

18+

Чайка Богдан

Дневник грозы

Когда мы смотрим на море, море смотрит на нас

Чайка Богдан

**Дневник грозы. Когда мы смотрим
на море, море смотрит на нас**

«Издательские решения»

Богдан Ч.

Дневник грозы. Когда мы смотрим на море, море смотрит на нас /
Ч. Богдан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986861-9

По Атлантике ходит Капитан, которого повсюду преследуют свирепые шторма. Команда давно считает своего Капитана морским дьяволом: ведь только сатана может виртуозно управлять судном в таких штормах, и только сатана мог накликать на себя столько гнева божьего. Новенький Юнга, который начинает свое плавание на этом корабле, постепенно понимает, что это не грозы преследуют Капитана, а он сам не дает им покоя. Молодой человек сам начинает хотеть закончить этот «Дневник грозы».

ISBN 978-5-44-986861-9

© Богдан Ч.
© Издательские решения

Содержание

О РОМАНЕ	7
Глаза в облаках	8
Звезды	9
Обитатели	10
Одни	12
Слепые котята	13
Прямая линия	14
Среди волн	15
Ловец ветра	16
Ветер волной	18
Теплое солнце	21
Морозное утро	22
Просто человек	23
Море тебя заберет	27
Первый раз	29
Когда уходит детство	30
Новенькие	31
Лоцман	32
Сон или не сон	33
Проводник	34
Хозяева дома	36
Изгнание	37
Начало грозы	39
Друзья и любовники	40
Она?!	42
Снова вы здесь	43
Небо над головой	44
Немного веры!	45
Два мира	46
Дом под парусами	48
Вор	49
Глаза в ночных облаках	51
Тропинка	52
Свидание	53
По-особому великолепно	54
Первое свидание	56
Ловцы ветров	57
Паруса, полные ветра	58
Морской демон	60
Воздух, которым он может дышать	61
Серый	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дневник грозы Когда мы смотрим на море, море смотрит на нас

Чайка Богдан

Иллюстратор Дмитрий Морозов
Корректор AdvertA Creative Group

© Чайка Богдан, 2020

© Дмитрий Морозов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6861-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О РОМАНЕ

Во времена конкистадоров и разгула инквизиции по Атлантике ходит Капитан, которого повсюду преследуют свирепые шторма. Команда давно считает своего Капитана морским дьяволом: ведь только сатана может виртуозно управлять судном в таких штормах, и только сатана мог накликать на себя столько гнева божьего. Новенький Юнга, который начинает свое плавание на этом корабле постепенно понимает, что это не грозы преследуют Капитана, а он сам не дает им покоя, вернее одной «буре». Молодой человек сам начинает подумывать о том, чтобы встать на место Капитана, заплатить свою цену за его место и закончить этот «Дневник грозы». Ведь Юнга увидел другое лицо морской грозы.

Примечание автора

Я начинал эту книгу когда-то как серию рассказов о море. Мне показалось это интересным – попытаться после своего «Леса», повести, после которой мне не хотелось все переписать к чертовой матери, описать другую стихию. Выбор был когда-то сделан после очередного застолья с моим другом Алексеем. Отдельное ему спасибо за терпеливое чтение моего творчества. Это был больше чем вызов, потому что Алексей утверждал, что у него в итоге написать о Море не получилось. Долгое время этот роман и носил рабочее название «Море», но, в конце концов, поменял свое название. Мне хочется верить, что у меня получилось сделать нечто красивое, чем я и хочу поделиться со всеми. Я искренне пытался не лезть в дебри рефлексии и самокопания человеческого характера и написать нечто, что можно было бы спокойно почитать вечером и получить удовольствие от проведенного времени за этой книгой.

Глаза в облаках

Только слепой не видит озорных голубых глаз в небе, которые смотрят на нас. Хотя можно быть и зрячим, и не увидеть их – достаточно смотреть все время вниз. «Интересно, что ты думал о море, наблюдая за такими кораблями, как этот, когда смотрел на них с берега», – рассуждал Кок, когда они с Юнгой вечером сидели на корме и смотрели на звезды.

Мы все живем на этом корабле, замкнуты и вынуждены уживаться друг с другом. А сам корабль несется сквозь пространство навстречу такому же одинокому существу, как и он сам. Его паруса наполняют ветра, так что он не строит иллюзий о своей свободе. Эта деревянная шхуна – дом для ста моряков и одного капитана. Этот капитан дает дому цель. Цель – куда лавировать в океане. Корабль и его капитан всегда находятся в незримом диалоге. Оба всматриваются в облака, где они раз за разом находят Ее глаза. Порой каждому из них становится страшно. Когда кораблю страшно, он начинает жалобно поскрипывать мачтами. Этот скрип чуткий капитан слышит и тогда приказывает убирать главные паруса. Капитан также не строит иллюзий о своей свободе и силе. Они прошли слишком много штормов вместе – настолько много, что когда кораблю больно, он начинает страдать сам. Капитан уже не помнит тот момент в своей жизни, когда наделил корабль душой или почувствовал нечто подобное, что можно назвать душой в этом огромном деревянном доме. Но теперь они вместе, и капитан хочет верить, что не навсегда. Он хочет верить, что сможет найти эти глаза и находясь в другой лодке. Что он вправе выбирать лодку, на которой он сможет проходить эти шторма так же, как проходит на этой. Но шторма идут, и все меньше знакомых моряков они встречают в портах. Они, конечно, знакомятся с новичками, но и новые люди тоже начинают пропадать, а капитан все крепче начинает сжимать штурвал и не скупится на ремонт и закупку новых парусов. Все-таки приятно слышать, что скрип перестал быть таким жалобным после замены главной мачты. Штурвал начинает держаться уверенней, да и на горизонт смотрится смелей.

Звезды

Иногда он встречал подобных себе. Это никогда не было таким, как в предыдущий раз, и уж точно не похоже на то, как было впервые. Это никогда не было таким, как в предыдущий раз, и уж точно не похоже на то, как было впервые. Он только отделился от своей Звезды, того огромного сгустка света, чей отпечаток он несет по Вселенной. Он даже помнит отчасти еще те свои потоки знаний, которые бурлили в нем. Он думал, что есть все во Вселенной, и есть единое. Но если он был всем, почему он не может остановиться? Почему его несет в каком-то направлении, и он не в силах себя остановить? Почему он может излучать энергию, уничтожая маленькие тщедушные тельца вокруг? Но он не в силах остановить свое движение. Это было возмущение внутри него. Он брызгал этим возмущением. Он помнит, как от этого возмущения превращались в безжизненные куски материи все маленькие синие кусочки чего-то постоянного вокруг него. Он помнит много этих голубых камешков, таких маленьких, за которыми он теперь любит наблюдать. С которыми он любит играть. Играть – странное свойство, которое он открыл в себе. Часть взаимодействия, которое хочется передать, чтобы получить что-то взамен. Он не знал о таком своем стремлении, пока не отправился в это путешествие. Наверное, это было тоже возмущение того большого, что осталось нестись уже далеко от него. Он возмутился, он хотел управлять своим движением, и теперь плод того возмущения тоже летит куда-то...

Обитатели

На этот корабль все попадают по-разному. Но большинство матросов попало на этот корабль в поисках лучшей жизни. С другой стороны, местный кок не раз по этому поводу шутил: «Да, конечно, все попали одинаково, все ищут лучшую жизнь, один я ищу страшную марсельскую проститутку». Но это не шутка, а скорее – простой сарказм, который себе позволяет этот человек, когда какой-нибудь матрос в поисках развлечения начинает допытывать всех расспросами о чужой жизни. Но один Кок и еще десяток старожилов знают, что рано или поздно большинство таки находит эту самую лучшую жизнь и покидает это судно. А вообще местный кок – немногословный человек, просто он знает, что рано или поздно этот «расспросайка» затягивает грустную историю о себе самом, и как раз вот такая история совсем не интересна. На этом судне не позволяют себе вербовать матросов дедовским способом – напоить в баре, поэтому матросов на этом корабле всегда не хватало, потому что кто-то рано или поздно находил свою мечту и оставался с ней. Когда какой-нибудь такой гость корабля покидал его, то этот немногословный человек был первым, кто замечал пропажу. И тогда он отпускал комментарий, который знал весь корабль: «Свобода выбора была его счастьем, а теперь мы уплывем, и не будет у него больше свободы, а когда он это поймет, нас здесь уже не будет». Может быть, Повар расстраивался, что сам не нашел своей мечты, а может, он просто больно переживал потерю каждого человека на этом корабле, ведь они здесь появлялись не просто так, и за каждым все же была своя история. А потом случалось иногда и повторение истории, когда пропажу снова подбирали там, где оставили, такого матроса обычно мучила совесть в первый свой раз. Но каждый старожил корабля знал, что это только в первый раз. Скоро такой кочевник поймет, что на этом корабле никто никого не держит – он открыт каждому, но далеко не каждого принимает. Здесь есть свои правила и законы, и они важнее тех, которые главенствуют на большой земле. Но каждый морской кочевник, который когда-то решил покинуть этот корабль, найдя свою мечту, а потом вернувшись, понимает, что этот дом под парусами примет его снова и снова, только если ты готов повиноваться его законам. И сюда возвращаются не один раз, а много. И обязательно выслушают шутку Хозяина нижних палуб. Но над каждой мечтой он посмеется по-своему.

И один из главных законов, который должен знать каждый матрос на этом корабле – это то, что мир большой земли здесь умирает, потому что большая земля незыблема, и там можно вернуться, на корабле такой роскоши нет. Но понять это могут только жители этого дома под парусами, не пассажиры и не случайные гости. Морской кочевник, который вернулся на шхуну и продолжил свой путь, рано или поздно понимает, что больше ему не вернуться в родной дом, любимую таверну, в портовый бар. И с этим пониманием приходит ценность верхней палубы, где есть такие же, как ты, искатели своей мечты, которые на свою голову решили вступить на палубу этого корабля.

И тогда каждый ищет тот мир равнины, который оставил позади здесь и сейчас, за бутылкой рома на верхней палубе. И именно поэтому здесь никогда жизнь не утихает – все спасаются от одиночества.

В этом доме тяжело остаться наедине с собой или хотя бы спрятаться от других на пару минут. И Кок поймал тот редкий момент с молодым юнгой. Он говорил неспешно, наслаждаясь каждой секундой этого времени, когда не нужно оглядываться на остальных, не нужно прислушиваться – слушает ли тебя еще кто-то, не нужно думать много о том, что говоришь. «Думал ли ты, что окажешься на витрине всего мира? Что за тобой будут наблюдать небо, звезды, облака, да даже твое чертово отражение в воде смотрит на тебя». Кок не любил много разговаривать, он считал почему-то, что все и так понятно в этом мире. Ведь все мы на витрине. И из зазеркалья нас разглядывают тысячи существ, неизвестных нам. Юнга удивлялся этой его вере, но иногда

этот старый моряк так напивался, что эмоции брали верх над разумом, и он судорожно вел молодого человека смотреть на море. При этом его глаза наливались безумным блеском, и он беспорядочно тыкал пальцем: «Смотри! Ты видишь!?» И Юнга когда-нибудь увидит то, что ему хотел показать хозяин нижних палуб, не сейчас, а когда настанет время. Он всегда забывал о том, что сказал, о том, что увидел в этот раз – у него всегда было много работы на корабле. А старый Кок перестал его трепать за руки, похоже, он понял, что больше ни к чему, Юнга и так все видел. Единственное, что Кок не понимал, почему Юнга оставался спокоен, ведь он сам безумно боялся этих существ из зазеркалья. Ему, конечно, нечего было скрывать, но и жить спокойно у него теперь не получалось. Странно вообще, что у этого старого человека вообще остались силы бояться. А вот сейчас он продолжал спокойно рассказывать юноше о своих страхах, а может, о своей душе: «Я не боюсь звезд, они меня даже манят, почему-то мне кажется, что там должно быть мое место среди звезд – смотреть свысока, как эта посудина танцует с этой стервой-проституткой. Я бы освещал им место для танца, как в испанских барах. Знал бы ты, как танцуют испанские женщины! Жаль только, что женщины не любят море. А может, просто мы не можем разделить между ними и морем. Женщины, скажу тебе, ревнивые существа. Не дай бог, наш капитан притащит кого-то на корабль! Нам тогда не сносить головы! Скажу я тебе! В тот же день пойдем на корм рыбам!»

Одни

Утес обволакивают волны – они бьются об него иногда неистово, иногда нежно. Это похоже на заигрывание двух любовников. Утес стойко переносит смены настроения пассии. Иногда он удивляется, как у нее остается столько сил – ведь ей уже тысячи лет. Она должна была устать. А Она все играет и играет. Утес не понимает, что Она давно устала быть в этом мире, и раз они связаны с этим скалистым берегом, то и ему терпеть, как она сходит с ума от одиночества. Ведь они давно с этим скалистым берегом поделили пространство. Она давно обточила все шероховатости этой скалы, и она давно действительно устала. Их слишком мало в этом мире. Когда-то им казалось, что много. А потом мы все разбрелись по пространству. Поэтому Она бьется о берег неистово, но лениво, больше, чтобы он не забывал о ней. Есть у нее другой берег, но это не берег – это пляж, плоская равнина на сотни километров... И теперь она прибывает туда только, чтобы погрузить. Она накатывает туда много воды, но пески просто безвольно проглатывают все ее попытки без ответа. Она всегда устает и потом спокойно смотрит на то, что когда-то было таким же скалистым утесом, как и этот. Она потом лихорадочно побежит к своей скале. Ей нравится, когда ей отвечают. Даже так, без слов, как это делает та угрюмая скала.

Слепые котята

После штормов я вижу, где за горизонтом заканчивается океан, и начинается земля. Я подношу к глазам какой-то странный прибор, который придумали мы, люди, и изображаю понимание. Понимание того, как прибор работает. Прибор очень сложный – нельзя сказать, что я не понимаю его логики. Но его логика для меня страшна – я видел очень часто, как звезды тухли и появлялись новые. А этот прибор основан на логике, где каждое заключение такое, что если бы я все это рассказал Ей – Она бы рассмеялась. А Ее чувство юмора чревато: потом ни один корабль не смог бы дойти до любимых берегов. Поэтому пусть пока они ходят. Мой друг, ветер, уже часто сводил с ума этот прибор. Он меня учит не быть здесь чужаком. Это трудно... Для них люди – это слепые котята, которых бросили в воду – плавать. Чаше всего им нас жалко, иногда им все равно. Когда им все равно – нам очень трудно... И очень редко они показывают нам наше место здесь, когда мы их начинаем раздражать какими-то своими байками или домыслами. И если мы не поняли первый урок – котятam доливают ведро воды на головешку, и смотрят, как они тонут. Интересно, что они думают при этом? Что думал бы я, если бы поступил бы так? Может, попробовать на котенке? Поэтому прибору я не доверяю, чтобы не раздражать своего друга домыслами, хоть он и относится снисходительно. Ведь я стараюсь, иногда у меня получается. Когда у меня получается, этот дом под парусами по-настоящему летит. А мои слепые котята на доли секунд прозревают и начинают с опаской смотреть на единственного зрячего здесь. Корабль летит – котята кричат и пытаются себя убеждать, что они обуздали ветра. Некоторые с опаской смотрят на меня. Мой друг ветер резвится. А я пытаюсь усвоить сегодняшний урок. Котята, держитесь за борта очень крепко! У моего друга сегодня хорошее настроение – лететь мы будем долго, правда, не по направлению к земле – на земле нет ничего интересного для зрячего – она больше нужна слепым.

Прямая линия

Их пути нельзя предсказать. Они с упорством рисуют линии на своих кусках бумаги – представляют себя в разных точках этого мира, в другом времени. Но они и ветры знают, что мы никогда не пройдем по этим линиям. А посередине этого пространства, он точно знает, что они вообще не захотят быть там, куда они начертили прямую линию, пересекающую полувину известного им мира. Но по-другому они не могут, поэтому, хоть люди и более осязаемые для него существа, нежели тот же холодный осенний ветер – друг Капитана, который любит в переднем парусе устраивать северную бурю, они кажутся ему еще менее существенными. Вот человек шагает в ботфортах по моей верхней палубе, но этот человек оставляет меньше следов, чем новый юнга, почему так происходит – он не понимал. Он знает этого человека давно, он присоединился к ним много лет назад, еще когда в бороде Кока не было столько седых волосин. И его он мог ощущать и различать среди сотен других, а теперь вот он исчезает, как будто легкий ветер без души шелестит среди мачт. Они были в теплых краях дальнего света, и еще тогда человек заполнял пространство своей тяжелой поступью, а теперь он едва мог услышать его шаги. Так иногда бывает и с Коком. Но за Кока он не переживал, этот человек больше похож на хранителя – его иногда очень тяжело найти в этом доме под парусами, а потом он неожиданно появляется повсюду. Он хорошо помнит тот момент, когда Кока привязали к его главной мачте, чтобы этот человек встретил стихию лицом к лицу. И с тех пор Кок стал кем-то вроде урагана, который есть на корабле. Этот ураган иногда закручивает весь корабль в своем водовороте, а потом стихает и закручивается сам где-то в потаенном уголке, и только он и Капитан знают, куда этот человек спрятался. Иногда он завидует людям – они могут быть и большими и маленькими, когда пожелают. Главное для них – желать, и тогда любой из них сможет быть Капитаном. Ведь он хорошо помнит, как начиналась история этого Капитана. Другое дело, что трудно осмелиться человеку желать того же, что и мой Капитан. А еще труднее идти по его пути. Даже ему, кораблю, трудно с этим Капитаном, и будет еще трудней. Но зато чертовски интересно существовать в этом мире.

Среди волн

Кто за кем следует – мы за облаками или они за нами? Паруса наполняются ими, и они же нас несут к ним. Но мы же их направляем, наши паруса, навстречу этой белизне. Если мы не будем направлять их туда – сможем ли мы убежать от них? Получается какой-то водоворот, из которого мы не хотим вырываться – танец?! Иногда мы убегаем и оказываемся в штиле, и, вглядываясь в наши отражения на воде, понимаем, что ненавидим эти спокойные воды, и самих себя, спокойных в этом огромном мире. Да – это похоже на танец – нас ними! И, поигравшись с нами, они обязательно возвращаются, и мы снова несемся навстречу. Подхватывая с радостью ветра и не боясь разорвать паруса, или разбить борта о скалы этого водного мира.

Человек – вообще странная штука в этом мире: мне уже трудно отличить свои воспоминания от того, что про меня выдумали. Мы здесь проводим месяцы друг с другом и говорим. И вот твое воспоминание всплывает в очередной байке твоего матроса, и ты невольно достанешь его из тайного подвала своей памяти. Ты смотришь на него со стороны, как оно было, как ты его помнишь, как ты его тогда чувствовал и сравниваешь с тем, что прямо сейчас слышишь от другого человека. Ты чувствуешь его эмоции, сравниваешь со своими. Именно эти эмоции ты можешь чувствовать хорошо, потому что они отчасти похожи на твои, которые ты помнишь. Если байка тебя не касается, мы почему-то чувствуем это не так. Они похожи на твои, но только отчасти. И ты углубляешься в них, зарываешься.

Ловец ветра

Сейчас меня заставляют возвращаться к маленькому ловцу ветра. Его облик на палубе был чем-то природным – им с Капитаном порой казалось, что у них просто появился еще один парус, который им помогал там, где их не хватало. А остальная их команда была шумным хвостом, красивым, но не нужным, как у павлина. Если бы у этого мальчика, которого они подобрали в Африке в столице работорговли, были родители, они бы, наверное, уже давно упали в обморок. Но родителей у него не было, как не было и семьи. На какое-то время нам здесь перестал быть нужен ветер для парусов, у нас появился свой маленький гордый ветерок, который мог разогнать наш дом даже в экваториальный штиль. Правда, команда покрывалась при этом седьмым потом – так часто ей приходилось перенатягивать паруса с одного борта на другой. И никто так больше не мог ловить или угадывать эти маленькие дыхания жизни, ее дуновения и порывы, как этот акуленок. Сами черты лица, которые он теперь мог доставать из своей памяти, чем-то напоминали паруса и канаты – ветер их обдувал, но не касался. Худой, но жилистый, никогда не переедал, не наполнял свое брюхо до состояния мертвецкого сна, а ром пил только в границах необходимости, как часть игры этого зверинца в их доме, в океане. Когда он чувал движения воздуха, то всегда хотел поймать его в наши паруса. Так же хорошо он чувал, когда можно было заработать хоть чуть-чуть монет. Когда же можно было разбогатеть – в нем просыпался настоящий морской демон. Он утрачивал человеческий облик и становился похож на маленькую акулу, которая потом вырастет в большую, но сейчас его память игралась с этим ловцом ветра, а акулу он оставит подальше, поглубже. Будь проклят тот мир, который сделал с ним такое! Заставил такого умного ребенка выживать на улицах той «черной» столицы, которая маскировалась в голубой город. Мы его не спрашивали никогда о родителях. Он их не знал, или не хотел знать. Как он умудрился дожить до того возраста – было загадкой для нас. Но эта печать определяла теперь его судьбу, и изгладить ее уже было невозможно.

Водоворот памяти уносит тебя все дальше от сегодняшнего дня. Появляется путь к сомнениям, искажающим твой взгляд, как волны искажают твоё отражение в воде, когда ты пытаешься себя там разглядеть. Иногда ты вступаешь в спор, и споришь сам собой, ты рассказываешь свою историю. Потом она прокручивается еще раз и еще, на свет появляются новые подробности, а старые меняются – солнце в Африке становится жарче, ром слаще, а вода теплее, а может, это был не тот шторм. Сколько вообще этих штормов было, скольким матросам я рассказывал то, что знаю о морской пучине! Каждый из них не был похож на других, все в этой жизни не похоже на другое, только почему-то люди устают быть непохожими на других. И вот то, что было на поверхности, остается где-то далеко – становится еще одним уголком памяти. Утром ты был еще кем-то, что стало только воспоминанием, а теперь после вынужденного плавания по воспоминаниям ты почему-то оставил утро там, и сейчас тебе приходится мириться с новым тобой. Каждый раз это делать утомительно, лучше уж вглядываться в водное зеркало – так оно наглядней. Наглядней себя ощущать волной этого мира. Завтра подует другой ветер, и нас унесет в чью-то мечту, может быть – даже мою.

Детство

Мальчик бежал по проселочной дороге босиком. Обувь ему была не нужна. Сегодня первый летний день после долгой зимы и довольно холодной весны. На местных дорогах мало гальки и много грязи. Пока это еще грязь, а не пыль. Лето здесь короткое и потому долгожданное. Летом нет холодных весенних дождей и еще более холодных осенних. Пыль в этих краях – редкое явление. И можно купаться! Как же они скучали по купаниям в местном море! Потому что только летом оно было хоть немножко теплым. И теперь мальчик бежал с первым урожаем лесных ягод к скальному обрыву, чтобы свесить ноги на краю скалы, есть ягоды и смотреть на теплое море. Мама ругала мальчика – она не очень любила, когда он бегал босыми ногами

по холодной земле. Мама просто боялась, что он заболит. Не проходило и зимы, чтобы кто-то из детей не умирал в их деревне. Мальчик видел слезы на глазах своей мамы, но не понимал этих капель воды. Зато мама его обнимала еще больше. А теперь эта зима прошла, и мальчик скоро сможет купаться в теплом море. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. А бегать по теплой траве после бесчувственной зимы очень приятно. Земля отдавала мальчику тепло и что-то еще. Что-то заставляло от этого все существо мальчика бежать вперед. Серые краски зимы вытеснялись солнцем. Потом через много лет он будет вспоминать то солнце, оно осталось там. Больше он его таким не видел – в океане солнце другое. А теперь он сидит на скале, жует ягоды и смотрит на море. Мальчик стремится стать взрослым, но в море ему еще рано. Он это почему-то знает. Иногда он сомневается и думает, что ему уже можно в море, но как только приходит на край этого утеса, сразу понимает, что еще рано. Но когда-то будет не рано. Жалко только, что на утесе он теперь один. Взрослых же не заставишь сидеть на одном месте долго. У взрослых всегда какие-то важные дела. У мальчика тоже важные дела. Но одно из этих важных дел – это поговорить с морем. И море ему очередной раз сказало, что еще рано плавать. Или мальчик слишком мал, или море слишком холодное. Для маленького мальчика у него было много терпения. Его маму пугало то, как он мог часами смотреть с утеса на бушующие волны внизу скалы. Маму охватывала какая-то паника, пока мальчик спокойно вглядывался в водные просторы, которые шли до горизонта.

Его папа зарабатывал на жизнь ремонтом рыбацких лодок и суден, а когда лодок для ремонта не было, он сам рыбачил на реке и иногда ходил недалеко в море. То ли боялся, то ли не хотел скандалить с мамой. Мама почему-то очень не любила море. Или даже боялась, но она никогда не объясняла своего страха, просто начинала бурчать, как старая бабка. Папа же просто смирился с этим, как с причудой своей жены. Но рыба не всегда бывает в реке, а море – так совсем своя равнина женщины, поэтому папе приходилось также работать и на мельнице. Мельница эта – такой большой дом, у которого на фасаде что-то типа паруса в виде крестика, и от ветра этот парус крутится. С ветрами у них было все в порядке, вот с пшеницей дела обстояли хуже. Но такие мельницы все равно были нужны, а его папа, как никто вокруг, мог специальным образом подстроить этот смешной парусник, чтобы тот начинал вращаться даже от самого слабого ветра, не говоря уже о местных бурях. Как раз в бури папа не очень нужен был. Благо бури – вещь непостоянная, как мама. Угадать, что будет с мамой, порой было сложнее, чем узнать направление, куда подует ветер во время шторма.

Вот сейчас папа как раз был занят работой с очередной своей мельницей. А мама ходила по лесу и собирала ягоды. Маме лес нравился больше. Вернее, лес мама любила, а море почему-то нет. Мальчик спрашивал маму об этом, и она отвечала, что море – это пустыня, а лес – это жизнь. Мальчик не понимал, как может эта бескрайняя свобода, которая простирается до самого солнца, не быть жизнью. В лесу, пока доберешься до нужного тебе места, можно было ноги расцарапать в кровь. А в море – плыви, куда тебе нужно. Мама в ответ только смеялась, смеялась немного грустно. Как у нее это получалось, мальчик тогда не понимал. Когда-то он научится, как папа, ловить ветер в паруса и поплывет, куда глаза глядят, а когда наплавается – вернется домой. И будет спать от усталости, а мама будет гладить его по голове, и он будет обязательно улыбаться сквозь сон.

Ветер волной

Когда все обитатели корабля просыпаются по утрам, то первым делом идут на верхнюю палубу – это стало своего рода обрядом каждого жителя дома под парусами. В полумраке люди быстро вспоминают, как не хватает им солнечных лучей. Никто не знает, почему мы так любим солнечный свет. Как-то Юнга спросил Хозяина нижних палуб, что он думает по этому поводу, и получил лаконичный ответ: «Без света не видно жизни». Большинство из команды спит в неудобных гамаках на нижних палубах, где царит постоянный полумрак, который никогда не дает солнечным лучами захватить это пространство. Только некоторые могут похвастаться роскошью личной каюты с маленьким окошком, которое не всегда открывается. И вот когда первые лучи морского солнца пробиваются в это царство тьмы сквозь маленькие зазоры палубных досок, каждый обитатель стремится покинуть свой неудобный гамак, чтобы начать жить. И в этом утреннем обряде обитателей корабля на верхней палубе встречает вахтенный по рулю и Капитан. Этот человек становится неотъемлемой частью желания каждого выйти на верхнюю палубу, как привратник у ворот, этот человек будет встречать всех людей, выходящих к солнцу по утрам, а значит – всех на этом корабле. Каждый, кого будут допускать к штурвалу этого корабля на ночь, знает, что с первыми лучами солнца от ночной усталости их придет спасать человек в кожаном камзоле еле заметного красноватого оттенка, Капитан не носит высокие сапоги и широкую капитанскую фуражку, они неудобны при движении. Он предпочитает узкую фуражку на старый манер и обычные туфли на низком каблуке из какой-то странной кожи. Сколько ни пытался Кок разыскать на сотнях базаров, которые им довелось посетить, так он и не смог найти подобную обувную кожу. Новички, конечно же, путали бы этого человека с обычным боцманом или чайным купцом, зафрахтовавшим корабль, если бы не строгость всего одеяния, в которое был одет Капитан. Никто не знал про матроса, который следил за его одеждой, а в повадках морских офицеров этого времени не было такого, чтобы следить за своей униформой самим. Но те, кто ходил с Капитаном больше времени, знали, что от их хозяина корабля можно ожидать чего угодно, даже ловли крыс. А если человек обладал чуть большей проницательностью и внимательностью, то ему бы бросилась в глаза неестественная ловкость или может быть даже строгость во всех движениях и перемещениях этого человека. Случалось, что Капитан отшагивал буквально за мгновение от места, где затем опрокидывалось ведро с помоями, которое неосторожно нес какой-нибудь матрос. На корабле даже ходила шутка: «Грязь не липнет к Капитану, хорошо хоть, что его вообще видно».

В этих морских утрах было таинство, понятное только бывалому моряку, что было не дано обычным пассажирам этого корабля. И этим таинством был океан, окружавший их со всех сторон. Часто гостям корабля было очень тяжело выспаться в этой бесконечной качке, когда волны без остановки заставляют корпус корабля двигаться в разные стороны, и человеческое тело начинает бунтовать и, например, изрыгать все съеденное за день наружу. Но те, кто здесь давно, знают, что дыхание океана по вечерам, ночью, днем и утром совсем-совсем разное. И по вечерам и утрам он переводит дыхание на другой лад, и если очень приглядеться, то можно это наблюдать воочию. Ветра сменяют свой прерывистый характер, и волны начинают обволакивать деревянный корпус этого дома под парусами в надежде найти трещинку, через которую они смогут попасть внутрь, подобно змеям. А те, кто имел дело с настоящими змеями, знают, какие они бывают нежные. И эти утра сменяют друг друга, и каждым утром человеку, порой, может начать казаться, что его сожители, с которыми он заперт здесь, совсем не те, с которыми он начинал это путешествие. Рано или поздно человек начнет и сам задаваться вопросом, тот ли он, который когда-то вступил на палубу этого корабля. Ты встречаешь всех на верхней палубе и не можешь понять, что такое неуловимое меняется в чертах лица каждого встречного. А потом все чаще и чаще начинаешь обращать внимание на человека на капи-

танском мостике, потому что в нем остается какая-то неизменная суть, и с каждым днем эта суть начинает напоминать надсмотрщика. Быть может, человеку начинает казаться, что океан просто ворует его душу, настолько он не похож на себя – того, кто пришел на этот корабль с равнины. А человека на капитанском мостике поставили здесь морские демоны, чтобы присматривать за жертвами океана, чтобы они хотя бы не покончили с собой. Эти мысли пугают, маленький страх начинает селиться в душе и хочется забыться. Нет лучшего способа это сделать, чем выпить старого доброго рома, ведь все равно никто не может знать мыслей этого демона, так лучше мы забудем о нем хотя бы на время.

Бесконечное плавание в бесконечности не может иметь окончания. Мне кажется порой, что меня больше не существует, и я стал всего лишь волной в этом водном эфире. И переживаю штормы, как простая волна, которая бьется о борт этого дома с парусами. А дом с парусами только отвечает мне: «А, да! Это снова ты, ну привет!», – а потом как бы спрашивает меня: «Ну, куда ты понесешь меня теперь?» И я несу, и мы несемся вслед за хозяйкой моей души. А она – женщина, она по-своему решает, чему быть, а чему не быть. Быть в этом мире – похоже на движение ветра. Вот ветер дует, но тот ли этот ветер, что дул десять минут назад? Со временем ты начинаешь различать вкусы, запахи ветров, оттенки теплоты и холода. И они вообще перестают быть для тебя похожими друг на друга. Ни один не похож на другой. А если ветры с разных частей света, так вообще. Поэтому ты и узнаешь своего друга среди них. Поэтому, наверное, и волны узнают дом с парусами. И чем больше у нашего парусника друзей в этом мире бесконечностей, тем проще ему переживать грозы и штормы. Так мы и кружим в танце волн, ветров и гроз. Мы встречаемся друг с другом то тут, то там и расходимся, чтобы встретиться снова уже в другом букете и в другом месте с частью старых друзей и некоторыми новыми. И я стал теряться уже, где был я. Во мне должно быть что-то холодное, европейское, немного циничное, а сейчас почему-то какое-то легкомысленное карибское и сухое африканское. Я помню, откуда это взялось, но не помню, сколько в этом меня. А какая разница по большому счету, ведь меня того уже не вернешь – он уплыл куда-то с волной и моими друзьями. Осталось только не жалеть.

Плавание – это стало своего рода нашей игрой. Ведь она и есть моя бесконечность. Я веду корабль сквозь ее пространство – учусь плавать и плыву. И я не могу разделить эти два процесса. И мне нравится плавать в этом океане: когда мне удастся плыть в этих потоках лучше всего, я начинаю ощущать родство с этой стихией, как будто мы здесь не что-то чужеродное, а мы и есть часть этой стихии, часть этой игры, часть этой трагедии. Или, может быть, наоборот – когда мы становимся частью стихии – мы начинаем плыть. Осталось научиться управлять этим, а не искать слепым котенком каждый раз с наступлением ветров. И когда он становился частью стихии, когда корабль шел на всех парусах сквозь шторм, рано или поздно он начинал хотеть воздуха. И он понимал, что хочет подышать. Вернее, какая-то часть его хотела подышать, а вторая часть хотела оставаться в этой стихии, забыть обо всем, что делало его человеком, забыть о зверях на его борту. Но человек хотел остановиться, человек хотел глоток воздуха. И человека интересовало в эти моменты, как ему совладать со второй своей половиной, в человеке было много «рацио». И это «рацио» почему-то не хотело бессмертия, которое могло его ждать в этом бесконечном плавании в пространстве. А может, человек хватался за остатки своей жизни, а сам понимал, что его дни сочтены. «Неужели у меня есть шанс?» – думал он в самых своих смелых мечтах. Думала его нечеловеческая часть, которая была во власти стихии, которая просыпалась, когда люди прятались в этом доме по углам. Человек уже давно научился бороться со страхом – он его приручал, как тореро быка в Испании. Есть у них такая забава – заколоть безумное животное на арене. Так и он всегда в самые страшные моменты закалывал свой страх как животное. Это животное истекало кровью, брызгало ею во все стороны – вся его душа была в этой крови, как испанские арены, но страх всегда оставался повержен, животное умирало в центре, а зрители наблюдали. Но этот страх был могуществен, человек превратился в один огромный страх, он возвышался, как могучий дра-

кон, над тореадором. Он был в десять раз больше этого несчастного человека со шпагой, и этот бык, казалось, насмехался над ним. Только эти двое не знали, что они – одно и то же, что они – одна душа, и за ними наблюдал третий, а третий знал, что человек на этой арене хочет сегодня проиграть своему страху. На этой арене человек хочет стать куском окровавленного мяса – пусть его проткнет рогами это животное, подбросит в небеса. И тогда на мгновение он попадет на небеса, вдохнет несколько глотков воздуха и упадет. И животное его растопчет, превратит в груды костей и только с ухмылкой и оскалом улыбнется в последний раз третьему.

Теплое солнце

Солнце, которое садится в океан, самое хорошее солнце на свете. Оно мягкое, нежное, оно клонит нас всех в сон, как постель после бури. Обволакивает и заставляет забыть о дне, который прошел. День остается позади, и мы все остаемся на верхней палубе кутаться в теплое одеяло из лучей красного солнца. Эта палуба под солнцем всем обитателям корабля напоминает о месте, где каждый родился. О месте, которое обычные люди называют своим домом. Для каждого из нас же это место – просто еще одно воспоминание, которое смешалось и чем-то выделяется из сотни других воспоминаний. Чем-то наивным, что ли. У каждого свое место, и ни один из обитателей не скажет, что оно лучшее на земле. Каждый здесь на верхней палубе видел в этом мире для себя место получше, каждый спрашивает себя, почему он вернулся на корабль, если был так счастлив под той пальмой, или на том безлюдном пляже, или в той маленькой колонии миссионеров на острове, или том раю африканских проституток, или, или, или? На этом корабле много таких «или». Наверное, поэтому каждый обитатель корабля несчастен. Потому что каждый обитатель корабля рано или поздно видел свой маленький оазис, и каждый сбежал оттуда. Не сбежал, но ушел. «Зачем?» – теперь висит общий вопрос вместе с надеждой на этой палубе. Но мы напьемся рома, чтобы нас не мучили сомнения, чтобы мы могли продолжать свой путь под парусами. Каждым вечером капитан разрешает на верхней палубе всем немного рома или вина. Самому-то ему ром не нужен, но он хорошо чувствует, что происходит в его доме. Иначе, какой бы он был капитан-чародей, как все раз за разом, иногда, вскользь, между строк, тихо, с опаской, но называют его именно так. Капитан умеет водить этот корабль среди волн, которые больше корабля в десять раз, среди ветров, которые уносят людей в небеса. Он умеет ходить со скоростью ветра, почти летать, умеет обуздать стадо морских волков, каждый из которых хочет в свой рай, умеет находить землю в этом царстве воды. И каждый морской волк здесь пресмыкается перед этим человеком – человек знает, где суша, человек знает, как найти рай каждого волка, человек знает, как выжить в этой пустыне воды, человек знает путь к надежде – надежде каждого на этой верхней палубе. В любом случае с этим днем на этой палубе тяжело расставаться, тяжелее расставаться, наверное, только с надеждой.

Но вот солнце заходит. Морские волки уносят свои надежды в свои койки, каждый из них бросит взгляд на человека, который знает путь. Глаза человека не врут. Морской волк получит свою надежду, каждый свою, и пусть потом не обижается и не злится. Человек знает только путь, а что ты сделал со своей надеждой – его не касается.

Морозное утро

Мальчик проснулся еще морозным весенним утром. Сегодня они с папой поплывут в море. Папа обещал ему плавание на его день рождения. Они решили встать пораньше, чтобы не видеть расстроенного лица мамы – она против. Мама его похожа на хитрого лесного зверя, который всегда в лесу обозначает свое присутствие, и сотни незаметных следов на тропинках, на коре деревьев показывают тебе, что зверь рядом. Так и она не показывала своего недовольства открыто. Мама мальчика вообще ничего не показывала открыто, но наполняла их дом своим неуловим мнением: закрытые окна со стороны моря, сухие ведра из-под воды, а вода для питья – только в одном кувшине на весь дом; растения, которые требуют воды, еда без первого; дома она при уборке только подметала. Их дом превратился в островок какой-то пустыни, о которых мальчик слышал из рассказов моряков, посреди весны с дождями. Папа сказал мальчику, что он придумывает – взрослые любят обманывать, особенно себя. Но мальчик не видел трагедии: ветер с каждым днем все больше проникал в его душу, играл с ним, шутил над ним. Мальчик знал, что будет весело – его Папа умеет обращаться с ветром. И вот настало это утро – холодное и приветливое. Папа поднялся на пару минут позже. И мальчик успел послушать тишину, которая бывает только ранними утрами, когда мир еще не проснулся. А потом его встретил ветер – мальчик сразу перестал быть один. Ветер что-то знал, может быть, даже все. Папа вышел во двор на пару мгновений позже. Папа ветру был не интересен, но все же он решил подогнать немного этого взрослого. Папа не противился, и сам быстро взял мешок, который они заготовили еще вечером, и направился к тропинке, ведущей к берегу моря.

Просто человек

Кок много знал об этом мире. Также он подозревал, что мира два. Он не видел второй – Всевышний обделил его таким талантом, но его ум давно этот мир дорисовал сам. Также он и нашел главную любовь Капитана, также он ее стал находить сам по едва заметным бархатным сливкам волн. Он замечал ее присутствие гораздо раньше других. Он не помнит уже, что выдало ее. Он только помнит, что когда смог это понять – вся магия, весь ужас Капитана рассеялся, и капитан предстал перед ним несчастным человеком. Зато Кок помнит, как он целый день рассматривал человека на капитанском мостике. Кок пытался понять или смириться. И Кок тогда снова начал бояться. Одно дело, когда их дом под парусами ведет морской дьявол, а совсем другое дело – когда это просто человек. Правда, слово «просто» уже спустя несколько лет совершенно исчезло, как обычное заблуждение этого земного мира. Потому что после страха пришла паника. Кок помнит, как он увидел шторм, и ему хотелось выброситься за борт, и он просто напился в трюме самого крепкого рома. Как тогда его башка уцелела – до сих пор неизвестно ему самому. Ничтожность его собственного существования, хрупкость их жизней, которые в руках безумца – хилого человека, который в своей капитанской фуражке был теперь похож больше на петуха – его убивала, а Кок хотел жить. Он хотел снова увидеть свою африканскую проститутку. Хотел выпить испанского вина. Как же он хотел жить и не хотел оказаться в холодной воде Атлантики. Пусть этот дурак сам идет к ней, а он заплатит все свое месячное жалование своей африканской подруге. После того первого шторма с человеком на мостике он попал в карцер. И в карцере он просто возненавидел этого человека. Его ненависть была тогда так сильна, что могла выжечь, наверное, все человеческое. Оттуда, из-за решетки, он не отрывал глаз от человека на мостике, и, в конце концов, человек на мостике это заметил. Они смотрели тогда друг на друга очень долго. Один с ненавистью, другой с интересом – оба не понимали. Один не понимал, откуда столько злобы, другой не понимал, откуда столько уверенности и силы в тщедушном петухе. А потом петух улыбнулся – до него дошло, а потом петух расцвел – он был счастлив: теперь он не одинок.

Злоба никуда не делась после того шторма, она только усиливалась с каждым днем. И медленно и верно превращалась в ненависть вперемешку со страхом. Панический страх теперь появлялся каждый раз, когда Кок видел какое-то подобие тех глаз, которые он заметил перед тем штормом. Ясно в его голове приходило понимание того, какое количество ужасных бурь и гроз они прошли по прихоти этого человека в фуражке на капитанском мостике. Он помнил все эти бури – они стояли особняком среди остальных. В них они теряли команду.

Они улетали за борт, как в пасть змеи – воды их моментально закручивали и уносили в пучину, они иногда даже не успевали докричаться: «Человек за бортом!» Эти бури запомнились, и каждая по-своему отпечаталась в его памяти, которая, между прочим, вообще была похожа на поганый коктейль из разного пойла в баре Рио де Жанейро. Каждую ту бурю Кок помнил. Кок понимал, что рано или поздно они найдут ее еще раз. Вместе со злостью его разум заполнял и алкоголь. Кубинский ром стал привычным дополнением к его обеду и ужину. Они подружились и стали лучшими друзьями. Слухи на корабле распространялись быстро, до капитана они, конечно же, дошли, но в отличие от своей команды человек на мостике догадывался об истинной причине нового облика их Кока – злого на мир, как казалось морякам, ворчливого старика. Кок не был молод, но и был далеко не старик. Его просто душило отчаяние. Отчаяние человека, которого ведут на погибель, отчаяние человека, который узнал, что все самые страшные воспоминания, самые страшные штормы в его жизни были не случайны, были по воле человека. И тот человек не чувствует раскаяния, не чувствует угрызений совести. Он запер всех на этой скорлупе из дерева, и будет испытывать ее на прочность, пока все мы не пойдем ко дну, и ни у кого не будет шанса – эта ледяная bestия поглотит нас, и толку, что

он покинет корабль последним, если от корабля ничего не останется к тому времени. Кубинский ром так хорош, его пары только усиливали и оттачивали еще больше и так острые мысли корабельного повара.

Повар любил жизнь – с каждым глотком рома он понимал это больше и больше. Ему нравилось просыпаться по утрам раньше всех на корабле, готовить баланду, общаться с залетными чайками и вместе с ними смотреть на рассвет и закат этого мира. Мир был прекрасен, и покидать его не хотелось из-за прихоти одного человека, кем бы этот человек ни был. Ненависть! Повара душила ненависть, и пониманию в его голове не было места. А ром оттачивал эту ненависть до предела.

Ненависть – такое чувство, когда разум застилают тучи, как свет во время океанской бури. И к ненависти нужен такой же талант, как и к любви. Каждая команда Капитана на корабле, теперь отдавалась возмущением в глубине души Кока. «Напыщенный петух» – так он про себя называл теперь своего капитана. Все чаще он забывался в тяжелом пьянстве в обнимку с бутылкой рома, а другие обитатели корабля стали гадать, почему такое поведение их повара сходит ему с рук.

Капитан понимал своего Кока и поэтому прощал ему его пьянство по будням. Но человек на мостике также знал, что продолжаться это не могло – им нужна была команда, чтобы управлять судном, и этих зверей нужно держать в страхе. Чем дальше это заходило, тем больше его новый друг не оставлял ему выбора. Мы все были частью этого дома, мы закрыты в нем, и мы свободны вместе с ним. Но не получится быть свободным вместе с ним, и свободным от него. И если ты возмутился положением дел, то тебе предстоит сделать новые положения – или замолчать, или погибнуть, потому что большинство, потому что в доме есть другие обитатели, потому что в доме есть Хранитель.

Иногда Капитан думал, что было бы, если он был бы на этом корабле матросом, юнгой или на любом другом месте. Где были бы его границы смирения?! Смирение? Но он же был простым матросом. Эти мысли не имеют смысла, время – своего рода океан, назад уже ничего не возвращается. Он остается капитаном самого быстрого корабля в Атлантике, который ходит в такие уголки мира, куда никто, кроме него, не может даже сунуть нос, не то что ходить под парусами и ветрами, не потому что ему кто-то сказал или приказал. Время его не пощадило и наделило его знаниями, которые и могут управлять этим домом под парусами, там, где ветра рвут паруса в клочья. И тебе, Кок, предстоит усвоить еще один закон этого корабля, или вернее не закон, а знание. Может, ты мне скажешь за него «спасибо», а быть может, возненавидишь еще больше. Но раз ты уже кое-что понял, тебе придется узнать больше, потому что знания – это дорога в одну сторону. И не всегда мы можем остановиться, когда оказались на ней. Капитан уже начинал чувствовать ее приближение – она тоже уже знала, что их теперь двое на корабле. Не знала она только, что второй не видит ее так, как ее видит он – капитан. Но рано или поздно и Кок увидит лоскуты ее облаков. Капитан знал, что Кока ждет, когда и он почувствует ее приближение.

Повар тогда почувствовал ее близость: каким-то отблеском холодной воды заметил очертания глаз в облаках – красивых женских глаз среди пушистых овечек на небосводе. Кока охватила паника или вернее – страх. Наверное, такой страх испытывают антилопы перед теми большими кошками, которых они видели в Африке. Животный страх перед неизбежностью, смертью или концом. Он пытался держать себя в руках, он находил себе кучу ненужных дел на корабле. Бегал к каждому матросу и спрашивал, понравилась ли ему похлебка утром, а что приготовить вечером. Ему хотелось быть им всем полезным. «Милые дети, вы даже не подозреваете, куда вас ведут. Покушайте перед гибелью!» Матросы только удивлялись любезности своего повара, но не отказывались. Никто из них еще даже не подозревал, что этот прохладный порыв ветра на прошлой неделе было не облегчением, а поглаживанием одного существа. Что нас всех ведет в пасть водной змеи, что может быть, завтра, или послезавтра начнется

шторм, который поглотит не один корабль в южной Атлантике. Кто знает, может быть и нас всех. А по утрам становилось все прохладнее, и глаза Кока заполнял страх. Он уже стал иногда замечать эти глаза в облаках – такой пристальный взгляд, такие красивые зрачки, такие суровые черты лица – он не видел таких у земных женщин.

Вот уже и моряки стали замечать, что они приближаются к шторму. Вот уже и шторм поселился в их головах, но они смирились. На Капитана стали чаще бросать взгляды с опаской и надеждой. Холодные ветра поселились в парусах корабля. Поведение Повара стало больше походить на истерику – бесконечные шутки и много движения по всему кораблю. Повар пытался ловить взгляд Капитана, но человек на мостике, казалось, куда-то исчез. Распоряжения из его рта звучали, как из другого мира. «Чертов тупой петух», – думал про себя Кок. Однажды утром Кок проснется, как всегда, раньше всех и увидит в маленькое окошко своей каюты – грозовые тучи, которые раз за разом освещались раскатами молний. «Сегодня мы снова нырнем в пасть океана, да, Капитан?», – несло в мыслях этого человека, и этот человек знал, где найти Капитана. Кок выбежал на верхнюю палубу и увидел то, что и ожидал. На капитанском мостике стояла фигура в камзоле из красной кожи, этот камзол Капитан носит столько, сколько помнит Повар. Несмотря на то, что камзол сделан из дорогой красной кожи, он выглядит достаточно просто. Вернее, скорее всего раньше он выглядел просто. Но спустя столько лет морей и путешествий – он давно впитал столько соли, ветров, морской воды и крови, что только глупцу покажется он простым, хоть на нем и нет узоров, которыми любят украшать свою одежду высшие сословия. Второй секрет того, что этот камзол так хорошо сохранился – это и сама фигура Капитана. Капитан не менялся с того времени, как Кок взобрался на этот корабль.

У него не появилось брюшка – неизменного атрибута возраста, черты лица его все так же сухи и остры, как и при первой встрече. Сальные волосы он себе никогда не позволял – стригся регулярно, фуражку свою он не любил – и надевал только в безветренный штиль, чтобы не схватить солнечный удар. Дежурный по рулю прятался где-то на заднем фоне Капитана и пытался быть незаметным.

– Капитан, мы еще можем повернуть! – вскрикнул Кок.

– Зачем? И куда, мой друг? – первый раз обратился так Капитан к нему.

– Я не хочу умирать! – выдал наружу свои страхи Повар.

– Вы хотите жить вечно? Зачем это Вам?

– Я сам решу! – разозлился уже Кок.

– Вон, океан, мой друг, голубой и чистый, как слеза ребенка, и небо над ним не менее чистое. Это Ваш выбор.

Намек был для Повара более чем понятен. Вдали его ждала пустыня воды на сотни миль, в которых его не найдет никто в этом мире. Даже Капитан, если захочет. Ему бы сейчас себя найти в будущем шторме, в который их корабль сейчас войдет на полном ходу, на всех парусах. Кок чувствовал предвкушение корабля, чувствовал азарт этого безумца на капитанском мостике. А зверей корабля начинал охватывать безумный страх. Перед ними разверзлись черные небеса, сквозь которые раз за разом проскальзывали белые вспышки. Кок не мог теперь отвести взгляд от этих глаз, которые видел теперь впереди. А за страхом зверей следовало следующее чувство – поклонение. Поклонение перед человеком на мостике. До Кока, как из другого мира, донеслись слова: «Капитан, что нам делать?» Это ночной дежурный по рулю обратился к этому человеку, властелину их судеб, безумцу, петуху, которые возмнил, что он их бог, что ли. «Самодовольный болван!» – пронеслись слова в душе. Слова, которые прозвучали из его рта, но в своем сознании Кок их услышал, как что-то со стороны. Но этот его крик разбудил весь корабль.

– Уберите парус с главной мачты, и два верхних с остальных двух, – стальной голос Капитана начал возвращать уверенность в матросах.

– Я Вас ненавижу! – полушипя процедил Кок. Он стал чувствовать очень тяжелый взгляд на своей спине. Сейчас начали решать его судьбу. Кок не знал, что глаза могут так давить, быть такими тяжелыми, всего лишь человеческие глаза!

– И привяжите нашего Повара вместо верхнего паруса, на главную мачту. В этот шторм он будет нашим талисманом.

– Я ненавижу Вас! Слышишь меня! – Кок развернулся уже к Капитану и смотрел ему в его тяжелые глаза.

– Да, слышу, мой друг! Вас пора познакомить! – сказал Капитан и улыбнулся только уголками рта, глаза же его не смеялись.

Кок взял бутылку рома и смачно отхлебнул. А матросы взяли его под руки – он не сопротивлялся, один обвязал канат вокруг его груди, а другой вокруг ног. Кок запомнил этот шторм на всю жизнь, шутка ли – он встретил его привязанным к главной мачте на высоте тридцати метров над землей. Только их флаг был выше его головы. И он помнит ее глаза, полные интереса, игры и могущества. Ему потом рассказывали, что он кричал, не переставая. Он же помнит, что слышал свой голос со стороны, но не помнит, чтобы он управлял им. Кок проклинал тот день, когда вступил на палубу этого корабля, проклинал Капитана, проклинал мир, проклинал и виновницу, которая смотрела на него с интересом из-под черных кудрей грозowych облаков. Страх – это был панический страх, который овладел всем его человеческим существом, и с которым так ловко, под предлогом наказания за пьянство, оставил его наедине Капитан. И у него было много времени изучить этот страх. Они делали это вместе с обладательницей этих глаз в облаках. Она не явилась ему в человеческом облике, не соизволила поговорить или шепнуть что-то ему на ухо. Просто продолжала незримый диалог с «комаром», который решился нарушить ее прелюдию перед свиданием. Волны отражались в ее глазах, как мысли о ней человеческого существа, привязанного к мачте. Раскаты грома вторили волнам и играли в такт со страхами этого человека, которые раз за разом рождались в его голове вслед за молниями. И, в конце концов, отражение грозы найдет себя в глазах человека. Что-то человек поймет. Он не сойдет с ума, он сохранит свой рассудок, он сохранит свою жизнь, и он не покинет корабль в следующем порту. «От любви до ненависти – один шаг, а от ненависти к чему-то похожему на любовь?» – иногда думал он по вечерам потом, когда ужинал в одиночестве на верхней палубе много вечеров позже. Может, ненависть была просто завистью к Капитану, или страх перед неизвестным? Это стало не важно. Тем более, не осталось столько неизвестного, тем более, мир стал теперь намного больше, и расставаться с таким огромным миром человеку уже не хотелось.

Море тебя заберет

Они спускались по узкой дорожке среди скал. Эта тропинка была незаметна с моря и с суши, если о ней не знать – найти ее издалека было невозможно. Она была очень крутой, ведь она спускала нас с высокого утеса, настолько высокого, что рыбацкие лодки внизу казались лишь маленькими щепками. Среди этих щепок было и маленькое суденышко, которое купил его отец – он решил добавить к своему ремеслу с мельницами еще и немного рыбы, ведь когда он настраивал все мельницы в округе, у него оставался целый месяц, а то и два, свободы. А свободу папа не любил, потому что появлялась мама и сразу же занимала его свободное время какими-то бессмысленными, по его мнению, делами. Вместе с тем, в рыболовный сезон, папа проводил в море, порой, очень много времени, но мама была не против. Они спускались, а солнце вдали поднималось, и ветер набирал силу. Его уже нельзя было назвать ветерок – он мягко, но с какой-то скрытой мощью толкал их вниз к лодкам. Мальчик видел, как вдоль их тропы гнулись кипарисы, но их самих же не сильно сдувало. Так они спустятся на пляж с галькой.

– Прыгай в лодку, – сказал папа. Он не волновался, он сосредоточенно перебирал веревку, потом следующую. Папа посмотрел мальчику в глаза.

Его собственные голубые глаза были очень серьезными. Он редко видел их такими. Но сейчас они были не только серьезными, но и немного жестокими. Мальчик немного испугался. А папа вдруг быстро обвязал его вокруг пояса одной веревкой.

– Зачем мне это? – спросил сын.

– Чтобы я тебя не потерял, – улыбнулся уже по-доброму папа.

– А я никуда и не хочу теряться, – удивился мальчик.

– А теперь запомни! – строго сказал папа, уже без жестокости. – Никогда, слышишь, никогда, пока ты на этой лодке, не отвязывай эту веревку от себя, иначе море тебя заберет!

Мальчик кивнул. Он-то не боялся моря, но папу боялся, особенно сейчас. Даже его друг, ветер, испугался его папу.

– Хорошо.

И папа встал с носа лодки, уперся плечом в борт и начал сталкивать ее с берега – их плавание начиналось. Ветер вокруг радовался, он потеплел и начал искать паруса этого суденышка. Никогда этот взрослый человек не видел такого попутного ветра, как в тот день. Ему даже не пришлось брать весла, чтобы отойти от берега. Даже без парусов его лодка направилась в открытое море.

Мальчик подрастет и будет вспоминать слова своего родителя, когда еще не раз будет смотреть на фигурки людей с поднятыми вверх руками и наполовину погруженных в воду. Эти фигурки быстро удаляются от их дома, паруса которого уносят всех их в сторону от этого человека, которого забирает океан. В принципе он знал, что этот моряк скоро уйдет, их не выбирают обитатели дома под парусами, их не выбирает он, их выбирает, может, этот корабль, а может, море или Она. Может, их выбирает ветер – неизменный спутник этого корабля. Нет, он им не желал зла, но почему-то они начинают выглядеть на этом корабле, как снег в летнем лесу. Снега не должно быть, так и их почему-то не должно быть на корабле, и океан их забирает. Как-то он даже в качестве эксперимента решил привязать одного из них веревкой, но волны тогда накренили корабль и выкинули бедолагу за борт. Тогда другой раз он несчастному выдумал какое-то наказание, и привязал к мачте с руками и ногами. И буря тогда затопила всю верхнюю палубу, а волны подняли какую-то бочку ее о несчастного, тот еще живой взмолился о пощаде, чтобы его отвязали, пока какой-нибудь якорь не расколол ему череп. И мы тогда повиновались его призыву пощадить, его мольбе отвязать. Он помнит, как переглядывались тогда между собой все моряки: наказание показалось слишком суровым, и вина страшного

исхода для обычных смертных повисла на двух хранителях дома под парусами. И тогда он перестал себя обманывать и решил – «так заведено». Через мгновение волна смоем останки того бедолаги, а в его памяти не будет больше надежды, больше он не играл в эти игры – кому суждено уйти в грозу, тот уйдет, и они, смертные, не в силах этому помешать. Быть может, когда-то в этом доме смогли спасти от этой участи единственного человека, который потом и станет хранителем этих деревянных палуб. Смертные гости этого бесконечного голубого мира не будут впредь позволять себе таких вольностей, но об этом они никогда и не спрашивали друг друга. Боялись?! Нет, скорее просто не хотели знать всех ответов. Дружба – это чаще всего маленькая ложь, быть может, и всегда. В его случае все-таки маленькая ложь.

Первый раз

Он помнит свой первый раз в море. Маленькое суденышко, опасный попутный ветер, скальные берега. Такие бухты закрыты для больших кораблей – для них здесь слишком много опасностей. Одна из них – как раз такой ветер, который тогда уносил их в открытое море. Та маленькая щепка набирала ход, как листок дерева на осеннем ветру. Тогда ему казалось, что он попал в волшебное царство – так было интересно маленькому мальчику наблюдать, как их маленький кораблик кидает в разные стороны под напором морского ветра. Мальчик думал: «Какая увлекательная игра», а моряк думал о своем отце. Как отец умудрялся управлять той щепкой с парусом? Отец был тогда напряжен, он точно это знал, папе никогда больше не приходилось умирять такой сильный и игривый ветер. Отец на всю жизнь запомнил, как они неслись по волнам навстречу восходу, его лодка порой отрывалась от водной глади и парила на хлипком киле над водой. Они с ветром как будто стали единым потоком. Ветер позволял его направлять. Такие же чувства испытывал этот взрослый человек, когда он ездил верхом. Огромное сильное животное под ним позволяло себя направлять, но он был гостем в его мире. Так и тогда они нашли с ветром общий язык. Это существо позволяло к себе прикасаться, позволяло себя направлять туда, куда человеку нужно было. А человек очень осторожно это использовал. Здесь он был гостем этого существа. Когда человек делал что-то неосторожно, он сразу чувствовал, что его лодку сейчас поднимут в небо и перевернут парусом вниз – утопят. Оставят погибать, тонуть здесь, вместе с самым дорогим, что у него есть в этом мире – его сыном. Глаза ребенка блестели, его светлые кудри развевались во все стороны вслед за парусом, его дорогой мальчик смотрел восхищенно то на своего папу, то на водный мир вокруг них. Этот мир он видел впервые.

Отец тоже видел этот мир впервые, хотя выходил в него уже столько раз. Но сейчас понял, что ему, наконец, показали этот мир с какой-то другой стороны. Волны в его глазах теперь приняли какое-то очертание тропинок и дорожек, по которым можно было идти. А тучи стали подобно деревьям – где-то здесь начали появляться раньше невидимые для него обитатели этого скрытого от глаз обычных людей мира воды. Широкой дугой они шли по водной тропинке к самой дальней бухте, где человек оставил свои сети, чтобы получить немного еды для своей семьи. Мальчик будет взахлеб рассказывать об этом своем путешествии. Как они летели, парили над волнами, как был похож его папа на воздушного змея, которого отпустили на свободу с привязи в небо. На очень красивого и большого воздушного змея. Мама смеялась такой улыбкой – самой чистой и счастливой, какую мальчик знал. Моряк думает, что его мама была счастлива, что он тогда вернулся. С папой они не ссорились, и даже не обменялись ни одним упреком. Папа просто сказал, что погода была какая-то странная: «Воды сегодня были в спокойном могуществе». Мама лишь поцелует его. Они были красивой парой, настолько красивой, что моряк себя поймал однажды на странной мысли в каком-то портовом баре. На этом корабле он слышал много историй о родителях и давно решил оставить историю о своих в тайном уголке памяти, до которого никто не сможет дотянуться. Когда-нибудь, возможно, судьба его забросит снова в тот его первый дом. Один раз они уже там были, и моряк побоялся навещать в родительский дом.

Когда уходит детство

После морского путешествия мальчик попросит папу сделать ему лодку, а папа скажет ему, что он уже большой, и может сделать себе лодку сам. И добавит:

– Но советую тебе испытывать ее сначала на реке.

Папа не приказал, папа посоветовал, возможно, это спасло мальчика от гибели, потому что он решил послушать папу и благополучно потерял свое первое подобие лодки в совсем спокойных водах их местной речушки. Так началось то его лето. Потом он проведет не одно лето, плавая по реке на своей собственной, сначала хлипкой, лодке, потом тайно решится и выйдет даже в море. Но его первое лето, когда он конструировал сначала свой плот, потом лодку, она даст течь из всех щелей и затонет. Потом они будут нырять и пытаться ее найти, когда найдут, начнут спасательную операцию. Шутка ли, столько хоть и дармовой, но настоящей корабельной древесины будет пропадать! Они будут привязывать канат к лодке и тащить ее с берега, она будет застревать и тянуться по дну, один из его друзей будет плыть вместе с ней и проталкивать, когда она будет за что-то цепляться. В конце концов, лодка будет спасена, и начнется ее доделка – обмазка смолой. Начнутся поиски нужной смолы по всей округе, а потом хитрые приключения по ее добыче, денег ведь у них не было ни на смолу, ни на корабельную древесину, ни на парус. Парус на лодку в то лето они так и не поставят, но поплывут, потом будут ходовые испытания, рыбалка. Поймать большую рыбу в реке, такую большую, чтобы над тобой не смеялись взрослые, оказалось той еще задачей. Одна такая рыба, оказалось, легко могла тащить их вместе с лодкой. Но все-таки они притащили домой каждый по рыбине, от которых их родители ахнули, а мальчик и его друзья начали гордиться от собственной значимости. Ягоды в лесу перестали быть интересными. Так закончилось лето – они на лодку ставили парус, а следующее он уже начнет под парусами, и на год старше, на год сильнее, на год умнее. Его паруса будут только разгонять его еще сильнее. Совсем скоро он сможет помочь своей семье. И появление нового человека в ней станет чем-то самим собой разумеющимся. Мальчик помнит свое последнее лето, когда чувствовал себя еще ребенком. Они все были тогда счастливы – папа, мама, сам мальчик и, наверное, этот маленький человек. Забавно было потом чувствовать себя через лето. Цинизм, наверное – это граница между ребенком и взрослым, не хитрость, не злость, а именно цинизм. Его время в доме уходило, он ничего не говорил папе и маме, но откуда-то они сами все понимали – взрослым не нужно много слов. Самые умные из взрослых вообще слова не очень любят, по крайней мере, когда их много. Папа перестал с ним играть, а начал учить, а любви мамы стало немного меньше. Мальчик все так же любил лежать на траве перед лесом или на том самом утесе, который стал тайным местом. Небо было все таким же голубым, но его горизонт неумолимо уходил куда-то за границы их поселка на утесе возле моря.

Новенькие

Юнги бывают разные, одни хотят заработать на красотку в порту, вторые хотят увидеть Индию и людоедов, третьи хотят стать капитанами. Как ни странно, но самые безобидные первые. Они приходят на корабль юнцами с земли, приносят с собой новые шуточки, игры, охотно пьют и любят повеселиться, работают как все, отдыхают как все. Они любят поесть, любят поспать, и, в конце концов, зарабатывают на свою красотку. Через пару месяцев плавания они превращаются в бородатых неинтересных моряков с приевшимися шутками и играми, через полгода они перестают шутить и просто весело хохочут под привычные шутки, а в остальное время ищут, где бы незаметно выпить рома. Самые же опасные – это юнги, которые хотят стать капитанами. И опасны они, прежде всего, сами для себя, потому что, в конце концов, каждый из этой редкой породы рискнет пойти против самого капитана. А этот человек подготавливает ловушку неспешно и неторопливо, уже не один «капитан» был сброшен за борт на корм акулам моряками без какого-то приказа или участия человека на мостике. Капитан всегда с первого взгляда понимал, что за юнга перед ним стоит и просится на борт. В такие моменты он ненавидел этот корабль! Молодой парень стоял перед толпой моряков, и каждый из них начинал изображать его лучшего друга. Корабль преображался в какой-то карнавал веселья. На пару дней, когда приходил новичок, этот угрюмый замкнутый мир превращался в подобие бразильского карнавала, и молодому парню не дано распознать за красивыми телами жар-птиц Бразилии обычных проституток, так среди всех этих загорелых лиц они никогда не видели лжи.

Мы все были молодыми, и в этом карнавале я всегда начинал думать, каким был капитан в свои молодые годы. Только он мог себе позволить угрюмо созерцать этот базар лжи, который начинал твориться на корабле, когда встречали новеньких. И мы всей командой пытались перекрыть тот осадок, который оставался у любого, кто видел нашего капитана. Чего уж душой кривить, я тоже скрашивал. Не знаю, зачем этим занимались все остальные, а я хотел найти себе нового капитана.

Лоцман

Все дальше и дальше заплывал он на своей лодке в океан, все выше поднимался по реке, на сотни миль вдоль берегов океана не оставалось утесов и берегов, о которых бы он не знал. Так появлялись знания, которыми он охотно делился. Так появился самый лучший лоцман этих берегов, которому стали платить все корабли, желающие без потерь спуститься по реке вниз и выйти в море, или наоборот – подняться по реке к порту.

– Я не встречал еще таких знатоков мореходного дела, молодой человек, – разговаривая с ним как-то один капитаном.

– Честно, я думаю, что мы все знаем что-то, чего не знают другие. Я, например, понятия не имею, как обращаться с такими большими парусами, как на Вашей шхуне. Мне кажется это магией!

– С удовольствием дам Вам урок! – ответил капитан того судна.

Так самый лучший лоцман скального утеса узнал, как обращаться с большими парусами фрегата королевских войск. Капитан ходил по морям столько лет, сколько себя помнит. И был сильно удивлен, как этот молодой человек перед ним быстро схватывал все знания, которые он накапливал столько лет. Капитан знал, сколько боли, крови и усилий стоили они. Невольно он вспомнил поговорку про волка в овечьем стаде. Среди своих овец – он похож на морского волка, перед этим же юношей он вдруг подумал, что не заметил, как уже постарел – наверное, первый раз в своей жизни. Он был и рад, и несчастен, что в этом мире нашелся другой человек, способный его понимать, и он стал несчастен, потому что точно знал, что их пути разойдутся через пару дней. Им не стать друзьями, скорее, они станут врагами, которые будут друг друга уважать. Почему врагами? Наверное, из-за ревности к тому, что скрывалось за морским горизонтом вдали. А пока он рассказывал все, что знал о парусах, этому молодому еще речному волчонку. Только провидение знает – придется ли еще им встретиться снова. Молодой лоцман же опять испытал восхищение, похожее на то, которое он чувствовал в свой первый выход в море со своим отцом. «Интересно, – думал он, – сможет ли этот капитан поднять в воздух свое судно, как поднималась тогда их с отцом лодка?» Он еще не подумал, как это было бы возможно, а его воображение уже рисовало картину могущественного ветра, срывающего людей с палубы и поднимающего над водой этот огромный морской фрегат. Как нужно развернуть этот самый большой парус, о котором сказал капитан, под углом, и компенсировать его теми маленькими парусами с носа, и фрегат бы полетел.

Сон или не сон

Иногда Юнге казалось, что их плавание похоже на сон. Один красивый пейзаж сменялся другим, но от такого количества красоты его сознание быстро устало, оно как будто стало наблюдать за собой со стороны. День сменялся днем, и мир плыл вокруг и уносился куда-то, куда они уже не вернутся. Юнга стал явственно это ощущать, что они уже никуда не вернутся, никогда и никуда. Когда они заходили в порт Корсики десятый раз за полгода – это было другое место, и другие люди. Зыбкость своей жизни в этом мире воды его начинала сводить с ума, и тогда он первый раз попробовал больше рома, чем позволял себе раньше. И безумие его немного отпустило, потому что каждый вечер в этом мире он засыпал с мыслью, что завтра его уже не будет. И его действительно не было на следующее утро. Утро дарило новый день, новое место и новых людей, даже здесь, в их доме под парусами. Ему рассказывал Кок, что, возможно, у него просто приступы паники – такое бывает со всеми, особенно в штормы и сильные грозы. А Юнга не понимал, о чем говорит Кок, ведь вокруг была спокойная бесконечность, которая развлекала его картинками каждый день. Кок только улыбался. Он любил улыбаться. Они были противоположностями с Капитаном – тот, даже когда смеялся, казался дьяволом. И все на корабле сходились во мнении, что лучше бы он вообще не показывал никаких эмоций. И один правил балом наверху, другой правил балом в темных углах этого дома.

Проводник

За его знания ему платили достаточно. Людям нужна суша, а земле нужны люди. Они рождены были для твердой поверхности, и сколько бы ни пробыли в море, сто из ста одного хотели попасть к своей мечте, которая была, чаще всего, в каком-то в портовом баре. Поэтому в проводнике через узкие русла реки всегда была потребность – никто не хочет рисковать, когда уже так близок к берегу. Редко теперь он был одинок, ему даже не нужно было ловить рыбу, чтобы себя прокормить – повсюду за ним следовал его ветер, везде он ему подсказывал дорогу. В конце концов, у него появится первая яхта, которую он не построит собственными руками. Но слово «яхта» для этого корыта было слишком гордым названием. Иногда ему потом казалось, что не было доски в этом корыте, которую бы он не обтесал своими руками или не доделал. Но слово «яхта», в конце концов, это корыто заслужило. Парус он выбросил после первого же значительного дохода от фрахты. Так он начал плавать по рекам на самой быстрой шхуне в радиусе триста миль в округе. По этим маленьким неглубоким ручейкам. Яхта ходила вверх и вниз по ручью. Они возили всякую всячину к большому порту. Он помнит, как каждый раз находил поток, который выводил его к этому порту. Каждый раз он думал, что они становились друзьями, но каждый раз они расставались. Они прощались. Прощаться ему не нравилось. Ему казалось, что у каждого маленького поточка было имя, и он даже мог его произнести. Но есть какой-то негласный договор – им нельзя появляться в нашем мире, они сами показывают себя здесь. Тогда он первый раз задумался о реальности. Почему они не пересекаются – почему его знания для людей кажутся чуть ли не магией. Знания из того мира живут в мире людей. Они помогают ему. Они сводят его с ума, они заставляют его думать о своем здравом смысле. Эти маленькие ручейки убегают из мира людей и зовут его за собой. А ему тогда было дико страшно оказаться в том большом пространстве, где человек кажется иллюзией. И мир людей сводится к маленькой деревянной щепке, которую несут ветра, куда они захотят. Почему-то уже тогда он был уверен, что ветра обязательно чего-то хотят, как и эти ручейки, уходящие из мира, окруженного людьми, в мир, где людей нет. Почему-то они не хотят оставаться с нами. Они кого-то из нас любят, но все равно прощаются. Наверное, там их родина. У меня же есть родина – земля, которую я люблю. Правда, люблю ли я? Нет?! Он и ходит под ветрами, потому что хочет найти свой дом.

Лоцман вспоминал свое детство. В бескрайнем пространстве воды – ты или медленно и верно затуманиваешь свой разум вином и ромом, или плаваешь в воспоминаниях, или книгах, или накладываешь воспоминания на новые впечатления из книг. Лоцман сначала занимался только воспоминаниями, потому что не умел читать. Не умел он читать, потому что сейчас умел плавать под парусами. Лоцман хорошо помнит, как долго зарылся в первые впечатления от книги, когда таки научился читать после первых уроков чтения, полученных от того капитана, корабль которого он поднял к порту. Он отлично понимал, почему матросы любят это состояние опьянения – не приходится уживаться с самим собой. Это оказалось трудно – в этом было что-то мазохистское, что-то от самобичевания. Родители, которых он покинул, лес, в котором он любил гулять, первый друг, которого забрала вода. Интересно, плавали бы они вместе, если бы он не утонул на той первой их лодке под парусом. Его моряки на этой маленькой шхуне сейчас, как он тогда, когда был ребенком – бесятся и играют со всем, до чего могут дотянуться. Они ему напоминают деревенских котов весной. Непонятно ему, как у него получилось перестать быть этим котом, почему у него появился свой парус, который он так любит. В конце концов, его же капитан научил читать. Тот капитан рассказывал ему так много, и все это было так интересно, но моряк все забывал. И от этого бесился, приходил в ярость. Почему он помнит всякую чушь о роме и не помнит таких нужных вещей, как название парусов. Помнит удивление того пожилого капитана, который неожиданно узнал о безграмотности своего

проводника и усиленно стал учить его читать. И подарил ему его первую книжку «О корабельном деле», и просто сказал: «Все, что я тебе рассказал за время нашего путешествия, описано в первой главе, а в этой книге таких глав двенадцать». В эти времена – это был очень дорогой подарок, и проводник не смог себе позволить просто его принять, поэтому просто не взял с капитана денег за провод корабля. Его не могли научить читать за столь короткое время, но показали направление и цель – эта книга. Теперь в его мире появилась еще одна странная вещь – слово. «Сначала было слово», – помнит он фразу их священника в родном приходе. Он бил за это выражение, и мальчик вместо того, чтобы выучиться грамоте, убегал строить лодки. Теперь оставалось только сожалеть. Простые слова оказались такими непростыми – его слово на этом корабле значит очень много.

Хозяева дома

Теперь Юнга заметил, что между Коком и Капитаном была какая-то неуловимая связь. Они обменивались взглядами, иногда Кок выступал против главаря этого дома, иногда его поддерживал. Но все это происходило без слов. Юнга еще так и не заметил между ними какого-то значимого разговора. Но один был главой наверху и вел этот дом с парусами, а второй был хранителем внизу. Вообще, на Коке не было обязанностей следить за порядком, следить за припасами, обучать новеньких основам, но на деле – внизу, в постоянном сумраке нижних палуб, даже крыс ели, если очень припекло, с одобрения Кока. Неумный матрос не понимал, откуда растут ноги поддержания жизни внизу. Почему некоторые матросы идут драить полы, другие драить посуду, а третьи перебирают еду. Таким матросам коллеги просто говорят, что делать, и как кто-то рядом с ними. Иногда новички буянили, выгрызали себе место получше в этой жизни и в этом доме. Кок не любил шума, и свое решение он выносил молча по каждому спору, по каждой стычке. Провинившийся становился прокаженным на корабле – с ним переставали говорить, меняться байками, это давило намного хуже, чем побои. Его похлебка становилась отвратной, но не в том смысле, что она была с гнилыми фруктами, или например, кашей с червяками. Нет, Кок делал все намного хитрее – похлебка для прокаженного становилась безвкусной, только Повар знал, как ее сделать такой. Все в еде на месте, но радости она не приносит. А в бесконечном плавании еда – одно из самых главных утешений твоей жизни. Или моряку переставали делать коктейли из рома, а пить простой ром постоянно – очень сомнительное удовольствие. Прокаженный начинал себя чувствовать призраком. Иногда дело доходило до Капитана, но тут ничего хорошего не ждало. Главарь не любил вмешиваться в такие дразги. И тот, кто здесь был подольше, знал, что у Капитана еще более извращенное наказание, говорят, что иногда призраки пытались повеситься. Провинившийся, если он не совсем тупой, почему-то сам знал, как все исправить – пойти и извиниться. Извиниться перед тем, кого обидел, или перед всей командой. А повеситься обычно хотели те, кто были тупыми. Если такого успели откатать, то ему потом приходилось популярно объяснять, почему же все-таки именно он оказался не прав. Но делал это не Кок, а кто-нибудь, у кого хорошо подвешен язык, и кто умеет слушать, потому что Кок всегда объяснял свое решение, но делал это обычно при помощи какой-то байки, или невзначай брошенной цитаты какого-то мыслителя. Тяжелый человек был Кок, что-то он тогда увидел на мачте – так поговаривали матросы, которые помнят тот случай.

Изгнание

Он слышал такое слово – «гуманизм». Это так один священник, которого они встретили на невольничьем рынке Рабата, называл вселенскую доброту во всем и ко всем. Ну как встретили?! Можно сказать, выкупили для папского престола. Коку было забавно слушать об этом слове, потому что его, как он понял тогда, достали не из священного писания. То есть нас бог учит быть добрым ко всем и прощать, но само слово придумали какие-то книжные червяки, которые просто работали на Папу в Ватикане, оттуда священник это слово и принес, и добавил в свои проповеди, которые и услышал Кок. Знал бы священник, что сам святой престол замешан в торговле черными людьми на этом богом забытом континенте! Твой Папа дал одобрение королям на престол, а те кричат народу, что они наместники божьи таким простакам как ты, священник, да и как я. А у каждого благословения есть своя цена. И в этом мире они жили на суше, а потом убежали сюда в гости. Здесь нам тяжело – мы не можем отдохнуть, когда нам хочется, солнце и ветер постепенно нас убивают, хорошо хоть, что вместо воды дают ром или вино. А еще мы вольны плыть, куда хотим, зарабатывать на жизнь, как мы хотим. Но не потаканием торговле свободой. Именно этого и не понимал наш ловец ветра, акуленок, который вырос теперь в акулу, самого зверского работоторговца Атлантики. Волны памяти вернули Кока к их последнему разговору с их «ловцом ветра».

Они не знали, сколько ему лет, и добиться от него этого было невозможно, он всегда при этом вопросе начинал громко смеяться и уходить от ответа. Тогда он выглядел на четырнадцать, но, может, он был и старше, а может, и младше. В его темных зрачках на белом яблоке глаза читался легкий страх и отчаяние. «Почему?» – глазами спрашивал он у них обоих – у властелина трюмов и властелина руля, парусов и верхней палубы.

– Почему мы его не можем оставить? – спрашивал тогда Кок. Ему было невыносимо больно в душе, и он пытался не показывать вида. Что-то внутри него громко билось наружу.

– Потому что мы с тобой, по сравнению с ним, добрые киты, а он – акула, которая сожрет нас и не подавится, – ответил ему Капитан.

– Сударь, Вы не верите в гуманизм! – молил Кок голосом, не похожим на мольбу.

– Новое слово! Где ты его подслушал? – забавлялся Капитан, но от Кока не ускользнуло, что Капитан не спросил, что это слово значит.

– Рассказал один священник, – Кока немного перекосило при этих словах, он понимал, что нарывается на все острословие и цинизм Капитана этим аргументом. Но Капитан не воспользовался упущением своей «правой руки». У них был серьезный разговор, и Капитан не хотел тратить время на бичевание своего друга из-за легкой оплошности.

– Разве мы не гуманны к нему, Кок? Но задайся вопросом, сможем ли мы научить его доброте? Он пока еще маленькая акула, а мы – просто большие киты, которые попались ему на дороге. Но акула когда-то вырастет.

– Думаешь, мы не справимся?

– Справимся, но помогать ему я не хочу. На той стороне острова – маленький порт, он не единственный человек на этом острове. Ты прекрасно знаешь, что для нас на этом корабле стало самым дорогим в этом проклятом мире. И если тебе недостаточно моих аргументов, то ответь себе сейчас при мне на один вопрос.

– Какой?

– Хотел бы ты быть матросом на корабле, на котором этот черный мальчик будет капитаном!

Кока при этой мысли бросило в дрожь. Его душа, его сердце могло долго обманывать самого себя, но жажда жить быстро вернула все его части души на место – нарисовала черного капитана, который ведет корабль, и каждому матросу на этом корабле не хотелось завидовать,

и не хотелось плыть одними курсами с этим кораблем. Он смотрел в детские глаза этого мальчонки, и эти глаза не смогли его обмануть. Кок понял, что они его еще встретят, также он знал, что маленький акуленок их любит, любит своей любовью, которая не похожа на их собственные чувства к нему. Возможно, они никогда не будут им съедены, конечно, если не встанут у него на пути. Но им не быть друзьями, им не быть вместе. Этот проклятый мир развел их навсегда, акуленок никогда не начнет уважать чужую свободу, а это было то, что объединяло Кока и Капитана. Кок точно знал, что это еще и то, что никому никогда не прощает сам Капитан, поэтому ему здесь не место, пока этот Капитан – хозяин этого дома под парусами. Они могут держать в узде своих морских гиен, но с акулой им не совладать. Так они и расстались. Черный мальчик еще попытается прорваться на лодку, на которой они приплыли, и Капитан выставит шпагу перед его лицом и произнесет несколько фраз на их чернокожем языке. Махнет шпагой, чтобы указать направление движения куда-то вглубь острова. Мальчик с удивлением переспросит, и Капитан снова что-то уточнит. Кок с удивлением понял, что Капитан сказал, где находятся люди на этом острове, и в каком направлении местный порт. Эх, капитан, интересно все-таки, сколько секретов ты еще хранишь!

Их гиены-матросы с облегчением, хоть и недоумением воспримут изгнание черного – никто не будет теперь их подгонять навешивать быстрее паруса, зло подшучивать над ними, когда они делают глупости. У гиен такой характер: они боятся хищников покрупнее.

Надежда умерла в Коке сразу после последнего вопроса Капитана. И теперь, когда он смотрел на маленькую черную фигуру на берегу, которая постепенно растворялась на горизонте, то Кок просто проклинал про себя этот мир. Что он вот такой, какой есть – прекрасный, жестокий, гуманный, иногда лживый, иногда честный. И он такой: иногда постоянный и стабильный, а иногда сегодня он – ад на земле, а завтра – рай. А они умудряются любить его таким – наверное, самая странная любовь, о которой он знает, даже более странная странная, чем любовь Капитана. Его глаза уже давно не могут разглядеть лицо мальчика, а его сознание все рисует то слезы, то злость, то отчаяние, то ненависть на черном лице, обрамленном кудрями, которое все еще обращено к ним. На белом песчаном берегу он смотрится неприродно, неестественно, не на своем месте. Но это ненадолго, Кок уверен: свое место тот быстро найдет. В этом Кок ему даже немного завидует – у него самого так никогда не получалось.

Начало грозы

– Знаешь, зачем я пью вино и ром?! – однажды спросил Кок своего молодого помощника, а потом не дождался ответа и продолжил. – Чтобы успокоиться и нормально засыпать по ночам. Не знаю, как для тебя, а для меня смотреть в этот океан невыносимо, сродни мукам. Не знаю, что видишь тут ты, юноша, а я вижу, что мы здесь как незваные гости, по крайней мере, большинство из нас, девять из десяти здесь на корабле не должны быть. Они, тьфу, Она, тьфу ты, морской демон, океан терпит их только из-за немногих из нас, кого он готов принять. И те, кого он хочет здесь видеть, не всегда знают об этом. Вот я, например, когда-то узнал, и теперь каждую ночь я засыпаю с мыслью, с мучениями, сомнениями: а что если я уже ему надоел. А еще хуже – наскучил! Представляешь, что Она...

– Он, океан?! – поправил его юноша. Кок посмотрел при этих словах на юношу и ухмыльнулся своей бородатой улыбкой.

– Да, он... сделает с нами. Своей головой я уже придумал немало картинок гибели этого корабля. Как мы будем кричать, как эта главная мачта будет ломаться. А мы все так же будем бороться за жизнь. У нас в шторм ведь нет времени на сомнения. Мы просто боремся, и будем бороться, и не будем знать, что все предрешиено.

– А Капитан?! Вы не верите?!

– А думаешь, он тоже спокойно спит по ночам?! Ха-ха! – Кок теперь засмеялся. – Думаешь, что он не думает, так же, как я?! Да, в управлении этими посудинами с тряпками ему нет равных. Но он лучше всех нас знает, что скрывается за горизонтом, что мы – муравьи в большой бочке. Запомни, мальчик: в этом мире главным твоим другом должен быть не Капитан, здесь тебя спасти он не может.

– А кто тогда?

Но Кока уже не тянуло на разговоры – ром сделал свое дело.

– Спокойной ночи, – ухмыльнулся Кок и повернулся на другой бок.

На следующее утро Кок понял, чего его так потянуло поговорить с молодым помощником. Его чуйка не обманула – он разглядел первые ее признаки на водной глади, ночью его зрение не давало ему это увидеть. В ветре раз за разом проскальзывали холодные нотки, который он не спутает ни с чем. Кок проснулся с рассветом, но все равно оказался не первым – человек в капитанской фуражке уже был на мостике. Они обменялись с ним взглядами – острые черты лица Капитана стали еще жестче. Капитан был моложе Кока, поэтому для повара всегда было удивительно, когда тот успел накопить столько цинизма, который обычно приходит с годами. Впрочем, мудрости в нем было тоже много, и пока серые глаза под фуражкой были человеческими.

Друзья и любовники

Юнга стоял на носу корабля и пытался унять непонятное чувство тревоги. Солнце светило ему сейчас в лицо и заставляло щуриться, но отвести свой взор от горизонта юноша не мог. Он уже стал понимать, что за чувство его стало угнетать – это был страх, и молодой человек не мог понять, откуда он взялся. Почему обжигающие лучи солнца стали вдруг ледяными, но даже их холодные отражения он пытался поймать в зеркале воды, чтобы как-то согреться. Он оглянулся назад. Позади оставались родные облака, он к ним привык, они ему казались такими привычными, почти раем. А вот впереди было что-то. Может, это просто паника, о которой столько рассказывают моряки. Но вот тучи впереди закрутились в воронку, появилась черная бровь, черные ресницы, и вырисовалось темное ядро с сотнями жилок. Юнге захотелось закричать: это был глаз, неужели никто не видит! На некотором расстоянии за дымными, непривычными для него темными тучами он рассмотрел и второй. Они теперь смотрели друг на друга. Он подумает позже, что от недостатка женского внимания на корабле это могла быть простая галлюцинация его воспаленного сознания. Но сейчас в его голове сам собой рождался образ маленькой щепки, лежащей на морской глади, и он – человечешка на этой щепке. Вот очередная волна на самом деле не волна, а просто ноготь на пальце великолепной госпожи с темными глазами. Она приподняла щепку и, наконец, увидела его, простого смертного, смотрящего ей в глаза, в которых он тонул. И тут его похлопал по плечу один человек на корабле. Их Кок подошел к нему неслышно, из-за его бесшумных шагов юноше казалось порой, что этот старый моряк сросся со шхуной.

– Боишься? – спросил его гость.

– Откуда Вы знаете? – удивился юноша. Вокруг жизнь шла своим чередом, и его беспокойство Юнге казалось чем-то вроде миража, который был его тайной. Правда, жить с этим дурманом и справиться с этим миражом ему было тяжело.

– Я слишком долго живу на этом корабле, Юнга.

– Это морской мираж? Я от остальных слышал о галлюцинациях в пустыне, когда мы проплывали Рабат. Бывает ли такое здесь?

– Сейчас пусть это остается миражом, Юнга.

– А потом чем?

– Юнга, послушай доброго совета старого моряка, послушаешь?

– Это не мираж? – он испугался. Образ щепки на ногте девушки теперь укоренялся в его сознании. Кок посмотрел на него своими добрыми глазами, окруженными морщинками.

– Юнга, ты сам выберешь – будет это миражом, или нет! Все! А мой совет тебе: хватит прохлаждаться. Нас ждет тяжелый день, а может быть, и ночь.

Юнгу передернуло, и страх стал обретать реальные черты. Он уже бывал в штормах, но каждый раз Кок на его переживания лишь ухмылялся снисходительной улыбкой. Сейчас Кок не улыбался.

Юнга ушел, а Кок остался еще немножко полюбоваться этой красотой. Она, как всегда, красива. Он давно уже понял, что не перестанет любоваться этим представлением. Они уже были близко, но еще недостаточно, чтобы он потерял дар речи, пока еще не так близко, чтобы он начал волноваться. Но достаточно близко, чтобы он мог начать любоваться. Странное это чувство, оно для него оставалась загадкой. Это было похоже, как наблюдать за женщиной, восхищаться ею, но не пытаться овладеть. Такая вот женщина, как цветок, срывать который кажется ему кощунством. И он убил бы любого, кто попытался бы это сделать. Но, слава богу, ему никогда бы не пришлось пойти на это. Эта убивает сама, и ему хотелось с ней оставаться друзьями, просто потому, что они уже были слишком близко, и будут еще ближе. И по прихоти этого человека будут не раз еще близко. Обладание даже простым человеком ему казалось

иллюзией, не то, что с ней. Правда, в голову упорно лезла фраза: «Смотря кого считать человеком, не этих же пьяниц, парочки из которых мы скоро не досчитаемся». Порой ему было обидно, что он не может позволить обладать ею, что он родился таким слабым. Но каждый раз, глядя в эти глаза, он переставал завидовать Капитану: «Эх, Капитан! Пойду я, приготовлю похлебку, я тебя не ненавижу, мне просто тебя немного жаль, и немного завидую. Выведи нас снова, я хочу посмотреть в эти глаза еще не раз».

Она?!

Она смотрела на него издалека. Воды уносили ее на юг, ближе к скалистым берегам Патагонии. Там они снова встретятся с этим странным существом. Ей было холодно там, но в этом холоде было больше комфорта, чем в этих застойных экваториальных водах побережья. Она умылась в африканских муссонах и теперь направлялась в свой дом, в место, в котором родилась. Изредка она играла с заблудшими путниками, но быстро оставляла их в покое. С ними было не интересно – страх и ничего больше. Только покажешь им водоворот, и вот они уже молят неизвестное существо о спасении. Глупцы! Она укуталась в холодное платье из ветров, свое любимое. Интересно, она ему понравится в нем, или стоит добавить немного льда? Она еще не достигла дома, но уже переживает. Эти мужчины сводят ее с ума. Она поправила прическу из белоснежных облаков. Нет, она знает, что он любит. На мысе Она встретит его черной грозовой прямой укладкой волос. Эти игры. Но что ей остается с другой стороны! Она здесь слишком долго, она видела слишком много берегов, слишком много кораблей, слишком много всего... И теперь поняла, что цепляется за каждое необычное, что встречает по пути. Людей много, но настоящих, которые заставляли ее обращать на себя внимание, которые не были обстоятельством, которые были такими же буйными, как ее братья-ветры, было так мало, что они были похожи на изумруды на дне океана. Рассматривать изумруды было скучным занятием для нее, а вот смотреть на эти существа, которые пытались соревноваться с ними – хозяевами этого мира, почему-то никогда не наскучивало. Они были как свет луны, бросающей свой след на водную гладь. И каждый из этих людей делал это каким-то особым способом, что сравнивать их не получалось.

Снова вы здесь

Он часто думал, почему его одолевали и страсть, и покой в водном царстве. Страсть его тянула куда-то за горизонт, и только когда наблюдал внизу бурлящий поток, остающийся потом позади – наступал его покой. Покой – созерцание того, что здесь называлось жизнью. Но здесь он все больше убеждался, что если понимать под жизнью нас – людей, то эта синяя пучина страстей покоя не имела с ними ничего общего. Мы были как гости, которым позволяли прикоснуться к чему-то прекрасному, ужасному и величественному. Когда очередная волна нехотя ударялась о борт их дома, он иногда прямо чувствовал, что им говорили: «Снова вы здесь, ну чего вы мешаетесь у нас на пути? Ну, так и быть – идите дальше». И они шли, плыли, ловили ветра. И касались покоя, и гнались за страстями, увлекавшими их за горизонт, куда садилось солнце, или куда улетал этот странный огненный шар, вот уже второй день проплывавший у них над головами. И все отражалось у них внизу, под бортом их дома. Отражалось и искажалось. Иногда ему хотелось, чтобы это отражение было правдой, иногда хотелось, чтобы отражение не имело ничего общего с жизнью.

Небо над головой

Юнга теперь знал, что за огненный шар с хвостом двигался по небу – их называют кометами. Это огромное нечто, которое мчится в пространстве, окружающем нас всех. У комет свой путь, и невозможно представить, какой этот путь длинный. Интересно?! А у комет бывают штормы, как бывают в океанах, по которым они плавают? Может ли что-то остановить на их пути между звезд? А если есть, то как это выглядит?! Наверняка у них есть свои шторма, и они так же любят летать в спокойном пространстве. И, наверное, тогда они так же рассматривают нас, как Юнга смотрит на кометы с вечерней палубы. Кок считает, что мы, люди, похожи больше на звезды – так же обречены одиноко висеть на небе, и не в силах прикоснуться или сблизиться с другой звездой. Мы светим в надежде обратить на себя внимание, другие звезды светят нам в ответ. Светят в надежде найти такую особенную звезду, которая сможет сдвинуться с места и прилететь, но, увы, вокруг такие же звезды, как ты. Которые могут светить на весь горизонт, но не в состоянии дотянуться или хотя бы приблизиться к тебе. Только комета летит между ними. Возможно, она не такая яркая, но она умеет двигаться, она в силах кому-то отдалиться, она в силах быть ближе к ним, чем ее сородичи. Именно ее ищут звезды своим светом. Правда, все звезды разные, и, похоже, каждая ищет свою комету. Но комет меньше, чем звезд, и не так просто они отдадут свою свободу. Для этого нужна особенная звезда, которую очень трудно найти. Хотя, может, и вовсе такой звезды для них нет, не нравятся им эти самодовольные светлячки.

Книга – величайшее сокровище этого мира, в котором почему-то правит золото. Но золото не указывает им путь, указывает путь эта комета, о которой он узнал из книги итальянца Бруно. Юнга неоднократно видел, как Капитан что-то подолгу высматривает в небе. Он знал, почему каждый день встает солнце, и как им найти путь. И знание про солнце было просто дополнительным подарком, главным же был смысл, которым наполнялся мир вокруг. И теперь молодой человек подолгу смотрел на этот огненный шар, который люди на земле наделили чередой магических свойств и духовной силы. Мальчик не думал о людях, которые добавили в этот мир эту «магию», ему почему-то стало интересно понять, как эта «магия» объясняется теми знаниями, которые он недавно почерпнул из книги молодого итальянца Бруно. Юнга не знал о судьбе этого писателя и даже не задумывался, что за ним самим наблюдал человек в рясе, из-за которого, возможно, самому Бруно пришлось расстаться с жизнью, а быть может, даже сам наблюдатель лично успел приложить свою руку к сожжению мечтательного писателя.

Комета не имела отношения к тому, что их пассажиру, которого они выбрали в Риме, приглянулся их новый юнга – это Кок знал точно. Когда-то они разговаривали с Капитаном о высших силах. Корабельный повар точно знал, что за тот разговор их обоих легко могли сжечь на главной площади Рима или Мадрида. И сейчас Кок почему-то думал, что молодому человеку было тяжело здесь, наверняка тяжелее, чем всем остальным.

Немного веры!

Ему хотелось знать, куда бросит корабль хотя бы в ближайшую минуту, хотя бы направление, хотя бы на одно мгновение. Но стихия каждый раз преподносила ему сюрприз за сюрпризом. Бога не могло быть, он просто не мог существовать, ни одно существо, обладающее разумом, не придумало бы это. Молния раз за разом освещала их лица, на которых не было ничего, кроме отчаяния. Мир рушился и поднимался заново, они тонули и всплывали. Кого-то унесло за борт, кому-то разнесло голову реей, кто-то отделался ушибами. И они, несмотря на это, куда-то двигались, и в его голове не укладывалось, как и зачем. Зачем в этом хаосе куда-то двигаться, что-то делать, куда-то рулить, куда-то направлять эту скорлупу из дерева и металла. Но раз за разом мы налегали на канаты, капитан кричал что-то про руль, волны яростно пытались утащить нас к себе, а мы, казалось бы, и рады были перестать бороться, но этот голос возвращал нас в мир боли, страданий и борьбы.

Он давно замерз, холодная вода проникла между досок палубы, в одежду и пропитала их душу. Он не ощущал равновесия, он был готов упасть в каждый момент этой своей жизни. Рождались какие-то образы, и мелькали какие-то моменты прошлого, которые казались ему чем-то далеким и каким-то неестественным, не имеющим ничего общего с тем, кем он себя ощущал – то ли мелкой палубной крысой, то ли мухой, забредшей куда-то, где заканчиваются тучи и начинаются звезды. Холодная вода в очередной раз сбила его с ног, в очередной раз он не захотел подниматься, а просто стал лежать на мокрых досках, чувствуя, что его легко бросает из стороны в сторону как половую тряпку. Голос Капитана теперь приобрел какую-то физическую силу, которая поднимет его и заставит возненавидеть владельца этой силы. Только этот голос переставлял ноги моряков в команде и заставлял мышцы рук тянуть снова и снова за канаты – жилы парусов. Другой воли на этом куске дерева не было.

А потом наступит момент, когда за черными тучами промелькнет солнце всего на миг, всего на секунду оно коснется нас своими лучами. Но этой секунды будет достаточно. Все волны разом потеряют весь свой яростный шарм, нас больше не остановить: надежда пустила в нас свои корни. Немного веры, просто немного веры, и мы теперь знаем, что сегодня мы не утонем и завтра не утонем. Мы замерзнем, исхуедем, кто-то вылетит за борт, но мы доберемся до солнца. Наверное, каждый из нас потерял свою ценность, но мы стали чем-то абсолютным, непоколебимым, тем, что нельзя утопить, тем, что нельзя сломать. И голос Капитана стал вдруг каким-то бессмысленным и смешным, и вскоре он и сам замолк. Мы знали, куда нам плыть, и этот корабль сегодня не утонет. Я посмотрел на бушующий шквал и понял вдруг, как он прекрасен. Или это Она?

Два мира

Никто не знает, как я ее нахожу, или не хочет знать. Это мой секрет – одни думают, что это ветер, другие моряки думают, что я – вообще морской демон. Недоумевает и мой Кок каждый раз, когда он и сам начинает ощущать ее присутствие. Ветер мне, конечно, помогает, но и он прячется, когда мы совсем близко. Вода! Ее выдает вода... Я ни с чем не спутаю эту воду. Ее холодный глубокий блеск – она рядом. Этот блеск скоро сменится грозой. Грозой, как самым ярким выражением ее красоты. Ему нужно следить за каждым ее раскатом и вспышкой. Эта игра на очень жестких правилах. Между стенами воды он ведет дом своих зверей. Звери охвачены паникой, им страшно, ему тоже страшно. Его человеческая часть кричит, она вопит во все горло. А его половина, которая общается с тем миром и тайными именами, тоже вопит, но от восторга. Его голову начинает разрывать нечто похожее на музыку. Но музыкой наслаждается та его часть, которая не боится ее. А его человеческая часть всем своим существом, всеми органами чувств ухватила за темную дорогу сквозь стены холодной воды. Над этой дорогой он видит ее черные глаза в оправе из белого золота гроз. Его зверям кажется, что они умирают, наверное, так и есть. Ему же тоже иногда кажется, что он потерял рассудок. Под эту музыку одна его половинка потеряла разум, ей хочется броситься в холодную воду и уйти туда, в глубину этого холода, там его счастье. Вторая половинка собрала воедино все свое самообладание – глаза вцепились в темную дорогу на воде, а руки сжали штурвал до крови в пальцах, его разум со стороны слышит свой голос. Голос ругается, голос дает команды. Человек знает, что пока он видит дорогу – мы сегодня не погибнем, а завтра он встретит ее, добрую, красивую другой красотой. Но это будет для человека. Человек выводит этот дом с парусами на широкую дорогу, с которой ему уже не уйти. Теперь он может отдать свой разум.

Кок когда-то боялся этих бурь, как животное боится огня. Его охватывал животный страх. Животный страх существа, который наблюдает, будто муравей, а через мгновение понимает, что он сам муравей. Муравей, сидящий на сухом желтом листе и несущийся на нем по горной реке. И сознание муравья скукожилось до ощущения страха, до одного-единственного чувства. Теперь его сознание не может даже посчитать, сколько мешков картошки ушло сегодня на завтрак матросам. И хочешь не хочешь – взгляд поднимается к небу, а ближе всех к небу всегда был Капитан. Кок сотни раз наблюдал, как менялись глаза этого человека в эти грозы. Как сознание их покидало и заменялось сначала легкими отблесками страсти. Такой красивой, как первая юная любовь. Но постепенно невинная страсть выжигалась другим огнем – звериным пламенем. И вот уже два пламени кидаются то на палубу, то на зонтик, то на грозу вокруг. Они вгрызаются в действительность вокруг и поджигают ее. Коку много раз казалось, что в эти моменты в них нет ничего от этого мира. И однажды Повар устал бояться. И когда-то первый раз посмотрел на эту грозу без страха, отчаяния и паники. Посмотрел первый раз, потом второй раз, потом третий, и стал ее узнавать. Узнавать эти ноты раската, рисунки молний. Не грозы их преследовали, это мы их преследовали, вернее, один человек на этом корабле, не сам же корабль так помешан.

Увидел Кок, что человек в капитане проигрывал каждый раз, потом Повар и уловил законы грозы. Они появлялись, когда человек исчезал окончательно. Человек их находил и давал своему зверю погулять. И зверь резвился. Стены воды обрушивались на палубу, корабль носило, как осенний лист в лесу. И зверь был, и ему нравилось на воле.

Человек устал, он нашел дорогу. Она такая широкая, такая ровная. Человеку непонятно, почему ему понадобилось столько времени, чтобы ее отыскать. И теперь, когда она видна, он направил корабль по ней. Он так устал, он каждый раз устает. И теперь хочет отдохнуть. Жаль. Он стал рассматривать пространство вокруг – волны стали приобретать очертания узоров лепестков, а молнии – очертания цветков. Его человеческое сознание устало улыбаться

про себя, устало наслаждаться. Еще чуть-чуть – и оно полностью заснет. Сквозь смертельную усталость он слышит, как вторая половина его разума ликует. Она рвется, откуда у нее силы? У него нет сил с ним бороться, у него не осталось воли совсем.

Дом под парусами

После шторма и страха он задумался, что держит его на этом корабле. Почему ему не хочется сбежать в ближайшем порту отсюда, и даже не возникает такого желания. Он стал вглядываться в людей вокруг него. Ладно – он, а вот эти люди, все эти гости в этом месте – почему они все здесь в замкнутом пространстве посреди воды.

Мы ворчим, ненавидим друг друга, враждуем, но даже не пытаемся покинуть наш дом на воде под парусами. Может, мы все любим здесь кого-то? Здесь можно любить только корабль, а ненавидеть всем можно только Капитана. И, наверное, трое на всем корабле знают, что эти двое безмерно любят друг друга и уважают. Им вдвоем интересно. Они не знают, зачем пришли в этот мир, но знают, что им преодолевать эту бесконечность вдвоем проще. Иногда они даже начинают верить, что нет им замены на всем белом свете. А может, понимают, что времени не хватит узнать так уже кого-то другого. Привязаны вдвоем, смирились вместе, но это не любовь – может быть, дружба. А что тогда у Капитана с Коком – тоже, может быть, дружба? А со всеми нами остальными – сожительство?

Есть такой вот дом под парусами, который всегда куда-то движется, в котором иногда месяцами ничего не происходит, и ты месяцами рассматриваешь свое отражение в синем зеркале. В такие дни кто-то сходит с ума, а кто-то заглядывает за отражение и разглядывает: что за звери на глубине. Бесконечность сводит с ума, поэтому в дни безветрия матросы драют палубу, бесконечно поют и пьют ром. В отражениях начинают появляться звери, и это отнюдь не грациозные кошки. Эти звери трусливы, слабы и беспомощны, когда наступает шторм. А шторм рано или поздно придет, потому что глаза, скрытые в облаках, пристально следят за всеми нами. А пока на бесконечном пространстве спокойно – доза рома удваивается, ссоры становятся жестче, обиды острее. Рано или поздно Юнга задаст вопрос Коку, что держит его на этом корабле, но похоже, он уже знает ответ на этот вопрос.

Вор

Капитан всегда непостижимым образом выводил их из шторма или сказать точнее – заставлял океан выдохнуться раньше, чем он сам раскромсает их паруса на лоскуты. Шторм еще был здесь – Кок ощущал его всеми фибрами того, что святоши назвали бы «душа», но он был похож на слабую тень самого себя, вернее – самой. Кок при этой мысли улыбнулся кому-то в дали горизонта, и его улыбку приняли и ответили. Волна с белым гребнем мягко ударилась о борт, у которого стоял корабельный повар. Но настоящая гроза уже покинула эти пространства, оставила только после себя промозглый холод, который пробирает до самых костей, и пустоту. Еще несколько мгновений каждый метр пространства был наполнен штормом. Тысячи соленых капель летели во всех направлениях, и с ними соревновались невидимые нити больших и малых ветров. Ветра обвивали все, что было на этом корабле, невидимыми нитями и не давали никому ничего сделать без своего согласия. Все, что видел человек своими глазами, ветра затянули в свою невидимую паутину: реи, паруса, веревочные лестницы, мачты, перила. И когда им что-то приглядывалось на палубе – эта паутина оживала и уносила с собой в небеса. Еще несколько часов назад люди боролись с этой паутиной за каждый свой шаг к жизни, ведь они боролись за жизнь с водной стихией. Но ветра, которые двигали их корабль, которые помогали людям выживать в этом водном мире, показывали в шторм, что им, вроде, и по пути с людьми, но это не значило, что они хоть на долю секунды отказались бы от своей свободы. Вместе с океанской водой они заливали волнами палубу солью и обтесывали деревянные доски дома под парусами, сотни их мелких следов составляли замысловатый узор на деревянных перекрытиях, балках, мачтах и перилах корабля. В спокойное время Кок подолгу рассматривает эти узоры – в них он видит отпечатки волн, застывших во времени. И вот сейчас все эти призраки другого мира испарились и оставили людей наедине с самими собой. Их взорам предстал океан, который не оставил больше суеты. Нет, он все еще поднимал их корабль в небеса, все еще огромные волны заставляли человеческое сознание Кока содрогаться в ужасе, если, не дай бог, он начинал представлять, как это волна обрушится сверху на них. Но теперь их будто пустили в огромный лес многовековых исполинов, где солнце надежно спрятано за кронами деревьев, где сотни лет уже поселилась многовековая прохлада. И человеку позволили погулять в этом лесу, но не взбираться наверх. Нет, конечно, гость может попробовать, но одно мерное покачивание ствола исполина – и незадачливый Икар улетит вниз. И между этими стволами иногда проскальзывает одинокий ветер. От сотен маленьких ветров слишком много суеты, и этим гигантам они надоели, сюда к ним прорвался только самый бесстрашный и сильный. Так и их корабль теперь тихо гулял между спокойными в своем гигантизме водными исполинами, а те, в свою очередь, вывели его на тропинку между этих «водных деревьев». И сходить с этой тропинки людям не хотелось. Сейчас все приняли этот договор гармонии. И пока они гуляли среди исполинов, незаметно наступила осень.

В океане нет осени. И он не мог определиться – не хватает ли ему ее. Он часто чувствовал ее дыхание, но Капитан уверенно уводил их дом из тех краев, где Она правила бал. И теперь только воспоминания о крике ворон, желтых кронах деревьев и каком-то холоде, который может дотянуться до твоей души. Он уже много лет пытается для себя это понять – душа?! Это тема, до которой не получается дотянуться в этой текучке дней. Он вспоминал здесь, как болело что-то внутри него, когда наступала эта пора желтых деревьев. Крик вороны, казалось, заглядывал ему в глаза, а каждый желтый листок оставлял отпечаток на теле. От этого тела хотелось избавиться, чтобы дать чему-то внутри спокойно страдать со всем миром вокруг. Он уже не сомневался, что мир страдал, когда наступала осень. Но мир смирялся со своей участью и просто делал всем праздник. И только холод и крик ворон говорили нам, людям, что миру больно. Нам всем было больно вместе с миром. Каждый из нас понимал, что, в конце

концов, окажется на месте этого мира. Так же наденет самое лучшее и будет страдать, а вместе с телом и что-то внутри. Но здесь, где не было осени, все потерялось. Как будто что-то внутри него украли, как будто этой души у него и нет, а только сосуд из костей ходит по дому, и ищет, сам не знает, чего. Иногда океан дышит осенью, но Капитан всегда быстро уводит их оттуда. Может, Капитан и есть их вор душ? Если бы это было так, то что ему с ними всеми делать? Только дьяволу столько нужно. Он засмеялся про себя. В дьявола легко было верить на берегу, здесь же дьявол потерялся бы. Чем бы он пугал, если ты сам не ощущаешь ничего внутри! Жги меня, только пусть кто-то рядом со мной говорит! Нет! Капитан не дьявол. Но кто-то же всех нас здесь опустошил!

Глаза в ночных облаках

Звездное небо. Он первый раз его видел после бури. Он видел его много раз до этого, но тогда оно было антуражем, интерьером его ужина. Теперь же ему показалось, что вместо его привычного собеседника вторым здесь было это звездное небо – кто-то его рассматривал, но при этом спрятался за свет звезд. И он стал смотреть, вглядываться, рассматривать своего гостя, гость ли он. Где-то там вдалеке остались люди, которых он знал. Он лежал на мокрой палубе, а его окружали незнакомцы, которых он не видел еще пару часов назад, они были похожи на тех старых. Но те старые ему казались теперь нарисованными картинками. Черты их лиц, их повадки, их немногие мысли выглядели искусственными подделками. Подделки рассыпались и теперь лежали грузом на палубе, жадно вдыхали воздух мирного моря. Звезды погаснут через несколько часов, и вновь выйдет солнце. А пока я позволю небу себя рассмотреть. На палубе не было темно, звезды отражались в лужах, на мокрых досках и лицах матросов, тем самым создавая невидимый свет, по крайней мере, он себе выдумал такое объяснение, почему ему приходилось щуриться от света ночью. Кок мирно сидел в центре палубы и раздавал какую-то похлебку из бочки всем желающим – невиданная щедрость. Капитан на мостике за всеми нами наблюдал. Я же не мог заставить себя пойти спать, или хотя бы закрыть глаза. Мне было страшно. Я не мог отделаться от ощущения, что это не бескрайнее пространство с парящими в нем огненными шарами, а глаза, которые сейчас рассматривают песчинку, то есть меня. И что эта песчинка неожиданно стала их забавлять так же, как мы рассматриваем лепесток с росой под лучами солнца, наслаждаясь одним нам известной красотой. Потому что у всех она была и есть разная. И эти глаза сейчас смотрели на меня, а мне стало как-то неловко, что эта бесконечность уделила внимание столь глупому существу, как я. Лучше бы они уделили внимание Капитану. Словно услышав мои мысли, Капитан задрал голову на небо, удивленно на небо посмотрел и Кок. И теперь настала очередь разинуть рот и мне. Что это за корабль? «Звезды его подсветили», – мне собственное объяснение показалось глупым. Кок и Капитан теперь заметили уже меня. Две пары глаз буравили меня, четыре звезды светили теперь прямо на меня. Я испугался. Испугался больше, чем пару часов назад, когда думал, что мы утонем. Теперь я мог разглядеть морщины на щеках и возле губ этого старого корабельного повара. Он улыбнулся всем лицом, Капитан улыбнулся только глазами. Страх! Перед чем? Перед этим пространством вокруг меня? Или перед этими двумя существами, к какой-то тайне которых я прикоснулся. Мне показалось, что если я сейчас брошусь в воду, то мне ничего не будет стоить присоединиться к этим звездам. Может, это когда-то сделали эти двое, просто вернулись, и теперь указывают путь заблудшим морякам? Тем временем, небо гасло, светило этого мира вступало в свои права, две фигуры встали ему навстречу, встал и я. Мы так долго ждали когда-то эту надежду, хотя сами этого и не подозревали. Тогда нам не нужна была бесконечность, тогда нам нужен был всего луч надежды. И немного веры. Свой выбор между бесконечностью и надеждой я, похоже, еще буду делать.

Тропинка

Ветер – это тропинка, которая меня ведет. Никто не знает о нем, никто не догадывается, как я нахожу путь в этом бескрайнем пространстве воды. Воды, которая иногда обжигает холодом, иногда усыпляет теплым молоком далекой родины. Иногда я поднимаю хитромудрый механизм и направляю его по направлению к горизонту. Моя команда думает, что я ориентируюсь по звездам. Наивные, я уже много раз видел, как новые звезды вспыхивали, а старые гасли. И с ней на звезды надежды мало – она их прячет, когда ей охота повеселиться. Но ее брат меня всегда спасал, мне кажется, я ему всегда нравился. Он мне сочувствует, он меня ведет – иногда холодом, иногда теплом, иногда штормами, иногда штилем. И куда бы она ни пряталась, и как бы она не играла со мной, ее брат меня выведет к ней. И сейчас я смотрю на горизонт – ищу глазами свою тропинку, которую он оставил мне. Звезды снова скрыты в ее облаках. Она истинная, Она такая, какая есть – любит играть, любит обижаться, любит не любить. Мои попутчики на корабле волнуются, когда небо скрыто – им начинает казаться, что мы все под колпаком в ее тюрьме. Страх с азартом – коктейль, который пьянит меня больше всего, но он явно не для всех. Дайте мне еще. Я пьян, я жив или давно мертв. Ветер – он здесь, я его слушаю.

Свидание

Корабль стоял на якоре на расстоянии морской мили от берега. Еще несколько часов назад он казался ему деревянным гробом для всех них, сейчас же Юнга смотрел издали на свой дом и чувствовал легкий неуют, когда находится не в нем. Издали он стал различать морщины его деревянных стен. Вспоминая, как они на нем взбирались куда-то на водные горы, он стал ощущать по-другому каждую его морщину. Их дом устал немного от ветров, гроз и беспокойных вод, но внезапный порыв ветра вернул ему совсем другой облик. Теперь моряк увидел, как корабль преобразился, забыв про секундную слабость, показав всем своим видом, что сгниет за пару дней, если они еще пару дней провозятся в этих спокойных водах. Их дом позвал его! Юнга оглянулся – на берегу с ним стояли только Капитан и Кок, они втроем смотрели на их корабль, остальная команда упивалась ромом под пальмами. Где-то на горизонте за кораблем виднелись грозовые тучи, постепенно переходящие в белые пушистые облака. Ветер теплел, а солнце стало клонить его разум в дрему, но почему-то юноше не хотелось уходить с берега. Капитан с Коком не отрываясь смотрели на море.

А потом Капитан заулыбался какой-то зловещей улыбкой, а Кок нахмурился ни с чем несравнимой грустью. И Юнга увидел... Увидел идущую по берегу девушку... Она была в белом платье цвета облаков, волосы напоминали цвет грозовых туч вдалеке и струились локонами, похожими на грозы. Мальчишка почувствовал себя неловко, такой грязный, немного сторбленный от усталости, в лохмотьях, да еще этот насморк. Она не была высокой, немного ниже его и Капитана, бедра двигались в такт с прибрежными волнами, казалось, не касаясь них, вода сама расступалась брызгами сотен фонтанов. Платье должно было быть на ней мокрое, но из-за солнца он не мог разглядеть. Вообще Юнге хотелось скрыться, исчезнуть из этого мира – он понял, что им с Коком уместней пить ром вместе с остальной командой. Девушка улыбнется ему солнечной улыбкой, на которую способны только маленькие девочки. Юнга заметит, что Кок после ее улыбки лишь усмехнется горьким сарказмом в его сторону. Моряк понимал, что сегодня здесь он лишний, но никак не мог оторвать от нее взгляд. Так бывает, он смотрел маленьким мальчиком на самую красивую девочку на свете, а теперь смотрел мужчиной на самую красивую женщину в этом мире. Он не заметит, как к нему подойдет это угрюмый бородач, который ходил с Капитаном дольше всех, который готовил еду сотням морякам, и потянет его в сторону. В его руке будет бутылка вина – неслыханная роскошь для корабля, это вам не ром.

– Пойдем, мальчик! – скажет старый морской наблюдатель.

– И долго они вместе? – какие-то глупые слова вырвутся у юноши из уст.

– Кто они? – его морщинистые щеки улыбнутся, но только не глаза.

«Я хочу» произнесет Юнга про себя, подумает, пожелает. Кок положит руку ему на плечо и поведет вдоль берега. Вино было вкусным, даже очень. И ему будут мерещиться локоны платья в тихих волнах прибоя. Падая, он почувствует кусочек счастья, он устал, в волнах прибоя будет уютно, они не такие холодные, как те, что были в грозе, в шторм. Они быстро убаюкают его, он укроется ими. Последним он увидит солнце, опоясанное белоснежными облаками, или это лицо?! Женское лицо.

«Устал. Он молодец. Кто бы мог подумать», – будет думать Кок, глядя на упавшего Юнгу. Ему было много лет, он устал от этих свиданий, и не знал, откуда у Капитана берутся силы на эти встречи. Он отхлебнет вина и посмотрит в сторону этой парочки. В этот раз в ее образе был налет грусти, Капитан, наверное, все-таки устал. «Бедный Капитан, разве ты не знал, что все кончается так?»

По-особому великолепно

Они встречались на островах. Этих уголков много в этом мире воды и бесконечности. Их не отмечают на картах, потому что никому не нужны кусочки суши с маленькими пальмовыми рощами в тысячах милях от дома. Где хозяева ветра всегда напоминают тебе, что ты здесь всего лишь гость. Обычно на них не хватало пальм, чтобы построить даже маленький форт с портом и баром. Эта была их гостиница с белым песком и собственным пляжем. Это было бы похоже на рай, если бы здесь могло жить такое существо, как человек. Этот кусочек рая предназначен для других. И человеку ветра быстро показывали, что им здесь не рады. Но для них двоих они делали исключение. То ли боялись ее, то ли его друг ветер заступался. Кусочек рая: ты стоишь на песке босыми ногами и вглядываешься в бесконечность. И хочешь забыть, что до маленького ада тут всего шаг. Хочешь об этом не думать. Он хочет верить, что научился с ними договариваться. И только беспорядочные вихри на горизонте ему отвечают, что это не так. Она буйствовала здесь еще совсем недавно, а теперь в белом. Она бывает по-особому великолепно. Как сегодня, например. Эти двое смотрят на него чуть издали, один со странной смесью сочувствия, другой с ясным букетом зависти: «Мальчик, зачем тебе это? Чему ты завидуешь? А ты, Кок, чему сочувствуешь?» У Кока в руках немного вина. Здесь оно по-своему пахнет и по-своему играет его душой. «Кок, уходи пожалуйста... У меня свидание, и свидетели мне не нужны».

- Что ты ищешь в этом океане? Это не твой дом.
- Но я тогда не знаю, где мой дом.
- Ищи...
- Я и ищу... А почему это не может быть моим домом?
- Потому что это мой дом..., и я не готова к таким соседям.
- Зачем тогда наши встречи?
- Потому что ты милый, и мне с тобой хорошо.
- Только это?
- А разве этого мало?!
- Мне хочется большего...
- Возможно! Но разве тебе мало?

Она улыбается полуулыбкой, она кокетничает еще сложнее. Мне сложно ее не любить. Ей сложно надо мной не издеваться. Ей очень много лет. Она в этом мире гораздо дольше меня. Мне сложно ее не уважать, и еще сложнее обладать. Если она что-то мне говорит, то я прислушиваюсь. Мне действительно невероятно сложно быть здесь с ней. Каждая дорога, каждая тропинка в бурю мне дается как сражение на войне. Мы просто выживаем. Одна моя половинка думает в азарте, что она как ветер – знает, как здесь с ней танцевать. Но когда власть берет вторая половинка, то она ужасается тому, что происходило. Друг мой ветер, скажи мне, ты же меня здесь не бросишь в ее доме? Без тебя мне здесь конец, нам всем здесь конец. Наша дружба сложна для меня – она режет мне кожу, рвет мои паруса, убивает надежду в моих людях. Но ты даешь мне знания не погибнуть в ее и твоём доме.

Иногда ему казалось, что это просто болезнь, галлюцинации, что все он выдумал. Солнце и постоянная жара свели его с ума уже давно, и вот теперь он мучает эту стаю зверей в этом доме под парусами... Они лютуют, они бесятся, ненавидят, но слушаются. Они слушаются, нет ничего, что помешало бы его пустить за борт, к его выдуманной любви... Значит, он что-то знает, значит, без него они не могут в этом бескрайнем пространстве воды. Они почему-то ее боятся. Иногда он видит в их глазах прямо животное преклонение, которое можно увидеть в глазах портовой голодной собаки. И он сам искренне не понимает их волнения – ведь вот она, тропинка в пустыне, немножко терпения – и мы увидим берег. Но нет: паника, злость,

отчаяние – и они смотрят на меня, ищут спасение. И я дам им спасение – ведь я вижу тропинку. Мне ее всегда показывают, и она всегда нас выводила. Значит, это не может быть одной моей игрой разума. С другой стороны, а если настанет день, когда тропинка в океане нас не выведет? Я не хочу думать об этом. И он снова возвращается к дилемме: где реальность, где его знание, что выдумал его разум. Разум хочет реальности, разум не хочет страдать в рефлексии. Он хочет встречи с ней, чтобы разум не страдал, и теперь начинает искать совсем другую тропинку. Тропинку, которая выведет его к ней. А она, как всегда – только заговорщицки улыбнется откуда-то из-за горизонта. «Поднять паруса!» Сегодня «кожа носорогов» с черного континента подождет. «Право руля, держать курс на солнце», – слышу свой крик со стороны, откуда-то из-под верхних парусов. Они послушны, мои звери в моем доме под парусами, только мой Кок тяжело вздохнул где-то на средней палубе. Его вздох я услышал, как и свое желание ее увидеть, чтобы разум перестал меня обманывать.

А эту историю Кок ему не рассказывал. Юнга иногда пытался подвести к ней своего старого наставника, но тот расплачивался с ним другой, не менее интересной, но не той. А сейчас они просто сидели вместе на пляже с белым песком, с несколькими пальмами и кустами на пару миль, а вокруг – голубая, с примесями фиолетового, бесконечность. Маленькие волны игриво ласкали низкий песчаный берег. Кок откупорил красное вино и с нескрываемым удовольствием отглотнул из бутылки. Признаться, это одно из лучших удовольствий в мире. Может быть, в другом мире, есть получше, но в этом, увы...

Ветер, который еще десяток часов назад нещадно терзал их паруса, теперь только убаюкивал их теплым дыханием. Кок желал поспать и смачно зевал. Это было очень заразительно.

– Знаешь, среди людей на суше я чувствую себя порой намного более одиноким, чем на этом клочке суши. А если быть внимательным, то быстро понимаешь, что ты здесь не один, – Кок подмигнул Юнге.

– Мне кажется, у меня и у Вас просто мираж, – соврал и Коку и самому себе молодой человек.

– О да! Ты давно уже взрослый, молодой человек, ты уже можешь себя обмануть.

– Знаете, я читаю сейчас книгу, в которой написано, что мы живем на поверхности шара, Вы только не смейтесь.

– Я ее тоже читал, – ответил Кок.

– Да! И что Вы думаете?

– Думаю, что все это правда, конечно. Но нам стоит помалкивать, чтобы нас не отправили на дно существа, которые обитают в этом мире задолго до нас.

– Как та женщина?! Это Калипсо?!

– Морской демон знает, кто Она, и кто такая Калипсо! – выругался Кок.

– Она красивая.

– И ты уже знаешь, какой Она бывает, да, мальчик?

Первое свидание

Мы с ней в этом бескрайнем океане, как в бесконечном танце. Когда-то Она затянула этот корабль в свой водоворот. Она, наверное, тогда хотела поиграться и отправить на дно очередную деревянную посудину. Но тогда Капитан вытащил эту посудину из ее лап. А потом вернулся, и его встретил шторм еще суровей, чем тот первый, и снова он вывел свой корабль из него. Наверное, тогда ею овладела злость, теперь она поджидала его здесь всегда и иногда охотилась за ним чуть подальше от этих вод. Но он вернулся снова, и шторм был еще сильнее, чем прежде, и Капитан разозлил, наверное, ее еще больше. Она стала ждать его, и он возвращался, всегда возвращался. У моряков эти воды приобрели дурную славу, потому что она топила всех без разбору – в такой она была ярости. И мы стали зарабатывать на этом морском пути больше и больше. Никто сюда не хотел идти – значит, цену можно гнуть, какую хочешь. И вот когда-то мы оказались здесь, когда-то штормы перестали быть похожими на штормы, а стали напоминать то игру, то ссору, то прелюдию. Помню ее первый человеческий облик – здесь дул такой неприятный северный ветер – он сдул нас с курса, так мы оказались здесь. Эту посудину вынесло на эту мель – мы застряли. Помню ее черты – острый нос, черные длинные прямые волосы, под цвет ее темно-серого платья по щиколотку, черты худого лица без щек. Она была в ярости, которую скрывала за взглядом злых серых глаз. Это был ее северный ветер, который устал. Так она встретила этого человека. Наша команда валялась вся пьяная, абсолютно. Мы тогда так дико устали бороться с тем ветром, он нас выносил на эту мель два дня. И когда мы здесь оказались, то просто упали на землю и выпили весь тот ром, который не позволяли себе все то время, пока боролись. Все до единого в команде валялись под пальмами и спали пьяным сном под каждым кустом – прятались от ветра. Так они увиделись с ней первый раз.

С тех пор его жизнь превратилась в бесконечный путь сквозь тайный мир этих существ, которые властвовали и на суше, как оказалось потом, и на море. Они двигали теми явлениями жизни, которым люди нашего времени приписывали божественные свойства. Но эти боги были очень похожи на людей, поэтому с ними было так трудно договориться, поэтому самим людям с ними было тяжело. Мы для них были, примерно, как для нас, людей – надоедливые муравьи. Они нас замечали, наблюдали за нами, но редко мы становились чем-то большим, чем какое-то насекомое. И хуже всего, что для большинства из нас обитание рядом с ними было похоже на путь грудного ребенка. Мы смотрим на мир, с миром что-то происходит, нас куда-то несет, иногда получаем удар по попе, но мы не видим. Мы все слепы. А Капитан теперь ходил в море, как в лесу слепых, и вел за собой толпу своих слепцов. А над ним издали смеялась эта девушка в сером платье. Иногда она заигрывала, иногда флиртowała. Она была похожа на маленькую девочку, только эта девочка знала об этом мире больше, чем библиотекарь в Лондониуме. Поэтому Капитана часто мучило ощущение издевки с ее стороны. Трудно привыкнуть к существу, которое знает ответы на большинство твоих вопросов. Это стало началом нового пути, в котором появился и новый друг – странный ветер. Ветер не был таким заносчивым, как Она. Кажется, он был более искренним, больше похожим на человека. Хотя, может, он просто больше похож на мужчину.

Ловцы ветров

Порой она наблюдала, как эти два корабля встречались – даже для нее было удивительно, как эти два существа находили друг друга в этом пространстве, где даже порой ей было тяжело найти своего брата – ветра. Но, тем не менее, она много раз наблюдала, как корабль, который забирает свободу у других, проходил борт о борт с кораблем, который для многих из них и был олицетворением свободы. Корабль свободных был ярким, с белыми парусами, которые контрастировали с его темной палубой из хорошего дерева. И напротив был его темный антагонист. Корабль неволи не был именно черного цвета, он был именно темным, такой серостью жизни, которая олицетворяла компромиссы, на которые они, люди, идут. И вот эти бесконечные компромиссы призывают в мир такие вот темные корабли, которые заставляют съеживаться даже ее, властелина этого мира. Сама мысль, что она может на мгновение оказаться во власти этого темного дома, заставляла тучи бледнеть нездоровой для океана белизной. Два путника, которые избороздили этот океан во всех направлениях. И одного из этих путников существование другого раздражало. А другого смирало с неизбежностями мира, в котором они обитали. Кружение этих двух кораблей тоже было похоже на какое-то подобие танца. Только этот танец был между хитрой искусной птицей – орлом и страшной в своей красоте коброй. Орел и рад улететь бы сразу, но почему-то змея хочет испытать свою удачу. Это необычное поведение живых существ, поэтому и необычно наблюдать этих двоих в этом танце так часто.

Паруса, полные ветра

Когда он вернулся на корабль, то почувствовал уют. Теперь на борту каждое движение наполняло его энергией. Океан перестал пугать его бесконечностью, а лучи солнца отражались от водной глади и дарили ему энергию. Это чувство можно было сравнить с опьянением от хорошего вина. Только от одного бокала, того первого, который делает беззаботным, делает тебя легким, а мысли ясными. Когда голова еще не потяжелела, и не кажется пока, что ты можешь свернуть в кулак весь мир, а только лишь решить парочку своих проблем. Он влюбился в этот спокойный ветер, который они быстро поймали в паруса, и направились куда-то в сторону от красного заходящего солнца. Ему рассказали, что там временами будет холодно, что они увидят ледяные и каменные горы. И все матросы ворчали, потому что им не нравились эти рейды к краю земли – одним не нравился холод, другие боялись, что они могут упасть с края Вселенной, третьи же боялись, что снова встретят грозу. Но теперь на корабле было два человека, которые хотели снова встретиться с ней. А пока он почитает книжку, в которой смеются над краем Вселенной. Интересно, что бы он написал про нее? Ведь ее-то он видел собственными глазами. На ней было белое платье. Ей было тяжело идти по мокрому песку на берегу. Она была похожа на человека, но он не чувствовал ничего человеческого в этой женщине, которой не должно было быть на этом острове на краю известной нам географии. С точки зрения понимания жизни, это было невозможно. Его ум, привыкший за последнее время к строгим астрономическим выкладкам Бруно, сражался теперь с его сердцем. Или какой-то эмоциональной составляющей его существа как человека. Слишком много «объяснил» ему Бруно за период их знакомства в течение последних нескольких лет его плавания на этом корабле. Этот мир теперь никогда не мог быть прежним – когда край земли испарился, и он плыл на поверхности шара, покрытого водой. А она была реальностью, которая сама решила ему показаться. Ее белые волосы спадали на плечи, она была чуть ниже Капитана. И он был готов поклясться, что видел, как Капитан снял шляпу перед ней. Помнит капитанский реверанс. Он также был уверен, что видел, как она улыбнулась, и он узнал эти озорные глаза, которые он видел в облаках перед прошлой бурей. И только на один миг он разглядел, что глаза и правильные черты человеческого лица этого существа улыбнулись и ему. Интересно, что она знает про край земли?

Морской демон

Встреча с его первым кораблем заставляла натянутые строгие струны его души трепетать. Этот корабль был олицетворением исключения из его правил, поэтому он ничего и не мог сделать с этим трепетом своей души. Капитан и его Кок были добры к нему той добротой, которую он так и не смог себе объяснить за много лет уже своего отдельного плавания. Они спасли его с невольничьего рынка босым мальчуганом и научили тем основам, которые сделали его капитаном этой галеры. Те основы, которые когда-то дал ему капитан, он даже заставил себя записать, а для этого ему понадобилось научиться писать и читать – и это было пока что самое трудное, что он сделал в своей жизни. Но он так дорожил теми знаниями, которые дал ему капитан о кораблях, и теми мыслями, которые вложил в его голову его корабельный повар. Узнав, что один из рабов умеет читать и писать, тот дал ему нормальную похлебку, и каждый вечер учился с ним, пока они пересекали Атлантику на обычном их пути из Африки в Новый Свет. Он узнал еще от Кока, насколько человеческая память изменчива, поэтому каждый раз перечитывал свою тетрадь и дописывал ее новыми заметками из памяти его жизни на том корабле. Эта тетрадь стала его сокровищем, за которую он готов был убивать без разбора. Уже прошло больше десяти лет, как его высадили на том острове, а эти знания все обретали новые краски и позволяли выживать ему в этом мире, управлять этой галерой и скотом, которые были его командой, держать их в страхе, слушать его и повиноваться. Он ненавидел их еще больше за то, что понимал, что не может обойтись без этих тупых животных. И он встречал этот корабль в безлюдном океане снова и снова, и кланялся Капитану, чтобы тот видел. Тот ничего не высказывал в ответ, только смотрел. Капитан не сильно изменился, все так же подтянут, все тот же кожаный камзол из красной кожи, сухие щеки. Когда их два корабля лавировали друг напротив друга, работорговца захлестывала ненависть к самому себе, он все так же далеко не первый в этом океане. Он никогда не сравнится с этим человеком. Только убить и тогда похоронить то все бесценное, что нес в себе этот человек, и тут вступало в игру чувство жадности. Нет, он не хочет убивать его, он хочет сделать его своим рабом. А Капитан, словно угадывая его чувства, начинал улыбаться, и в работорговце просыпался испуганный мальчик на рынке рабов. «Да что он себе позволяет думать об этом существе, морском демоне или все-таки ангеле?» И работорговец уводил свою галеру прочь на всех парусах. Не дай бог, морской дьявол решит, что хватит им бороздить этот океан! А океан он любил, потому что это и была его жизнь. Потому что больше всего на свете он боялся оказаться снова на суше и увидеть снова тот базар с черными и белыми людьми, где он провел детство, то место, где продавали и покупали людей, где продали его самого. И по иронии судьбы – рынок несвободы стал его делом жизни.

Воздух, которым он может дышать

Он не любил жару – она его бесила и вводила в какое-то состояние сна и апатии. Не любил он прохладу, когда все живое на корабле оживало и пело. Когда местные звери начинали бегать по палубе, а морские птицы задерживались в этом плавучем пристанище. Мир, полный какой-то непонятной беготни и забот. Все это давно вызывало одну головную боль. Но рано или поздно горизонт затянет черными облаками, и он среди тысяч порывов ветров узнает пронзительное холодное лезвие. Оно одно, но скоро миллионы этих лезвий загонят все живое на корабле по щелям. И в этом мире он найдет воздух, которым сможет дышать. Да, этот воздух холодный. Этот воздух обжигает живое. Но этого воздуха ему достаточно, ему не надо ни с кем делиться. Этого воздуха ему достаточно. Без зверей на верхней палубе можно гулять, без зверей здесь он чувствует, что дома. Тише, тише, ветер! Все самое прекрасное в мире, как правило, убивает, самая холодная вода – бесконечно красива, самые красивые облака – перед зимним штормом возле мыса Горн. Где ветер с начала времен дует с запада на восток. О таком ветре моряки мечтают, а когда получают его в свои паруса, прячутся от страха. Ведь их паруса больше не хотят, чтобы корабль плыл, паруса уже хотят лететь по воздуху. И если ты не смог обуздать эту силу в своих руках, она обуздает тебя, разобьет тебя о скалы, и ты сполна почувствуешь очаровательные острые скалы этого мыса, окунувшись в обжигающий холод прозрачной до дна океанской воды. Его звери ходили с ним здесь не раз. Они молчат, они полны смирения.

«Они оставили меня одного, им нечего мне посоветовать. И тогда мы с ней остаемся наедине», – он с жадностью глотает воздух, которым любит дышать он один.

Серый

Серый – так можно, наверное, было назвать этот корабль. Юнга смотрел на него и видел сумрак африканской ночи, когда тьма, наступающая на мир, несет опасность и смерть. А ему не понравилась Африка, потому что там он явственно ощутил хрупкость своей жизни, где само существование – это ступенька в какой-то замкнутой цепи обедов, завтраков, ужинов, зверей и людей. Там не хотелось молиться о спасении – просто быть подальше от любой трапезы, потому что ты можешь быть блюдом даже за человеческим столом. На тебя смотрят как на еду звери, как на заработок люди, а иногда и они тоже присматривают тебя на обед. Они тогда шли по рынку в столице какой-то «черной» страны. После синих просторов спокойствия – этот рынок казался чем-то неприродным для него. Он помнит тысячи звуков, которые лились на них отовсюду, и в этих звуках смешались вместе с лязгом железа, глухим стуком дерева тысячи эмоций этих черных людей. Если попытаться остановиться и не бежать непрерывно куда-то за Коком и Капитаном, то можно было услышать гнев продавцов, вместе с ним и восторг других следом за возмущением или отчаянием. Все базары мира, на которых он уже успел побывать, напоминали друг друга, но только базар черных людей был самый острый, настолько все было в нем на краю пропасти между людьми и животными. В гневе слышалось желание убивать, в возмущении слышалось презрение, в отчаянии можно было услышать страх смерти, в восторге было желание воровать. Это все лилось на тебя со всех сторон, и защититься от этого не было никакой возможности. Только один способ был, который ему и показал Кок – ты должен был занять какую-то сторону как можно скорее, пока у тебя еще было время, пока тебя самого не определили куда-то. Слово «человек» стало звучать совсем иначе после рынка Рабата.

Юнга помнит, как они шли в толпе черных людей, среди них изредка, как белые пятна, попадались представители и белой расы. Запахи, вонь, крики бесконечным потоком рушили его сознание, не давали думать, подавляли его волю. Черные люди кричали им какие-то слова, в которых всегда чувствовался оттенок озлобленности, который смешивался с другими эмоциями и желаниями: лести, подхалимства, заискивания, жадности. Это было похоже для Юнги на волны в бурю, только их было много, очень много. В бурю Юнга научился сражаться со стихией, он ее давно полюбил, и стихия стала для него колыбелью, в которой он находил какого-то рода покой, его страхи отпускали чувства, и он становился просто еще одной волной бесконечности. Но здесь же эти волны от людей были чем-то мелким, даже ничтожным, но их было сотни и тысячи. Они вгрызались в твою кожу и незаметно, сотнями мелких дырочек прокладывали себе в тебе дорогу и находили свой маленький путь к твоей душе, которая начинала страдать от этого нашествия мелких «муравьев», поедавших ее кровь и плоть, как становилось ясно очень быстро, ведь было больно. Крики и шум не утихали ни на секунду, они завоевали все его мысли и заменили их. Юнге оставалось удивляться только, как матросы, с которыми он стоял рядом в бурю и грозы, чувствовали себя здесь рыбой в воде, но поджимали свои хвосты, когда на их корабль обрушивались шторма. Юнга постепенно превратился в маленького мальчика из своего детства, который держит за руку маму, и безвольно идет среди взрослых в большом городе, попав в него первый раз, так он стал идти вслед за их корабельным поведением. И вместо сотен мыслей теперь было одно желание, чтобы это все побыстрее закончилось. Иногда в толпе он терял спину Кока, и его быстро охватывала паника. И первый раз, когда так случилось, Кок отвел его в сторонку и рассказал свой секрет:

– Никому здесь не показывай свой страх, никогда. Нас, белых, здесь – один человек на тысячу. Как думаешь, хватило бы одного из нас с ружьем управлять тысячей этих чернокожих обезьян?! Глупости, я тебе дам пистоль и поставлю перед толпой этих черных зверей, и без мужества в глазах и готовности пустить свое оружие в дело ты для них не белый господин,

а белая курица, которую можно вкусно разделить и сожрать. Юнга, выпрямься, перестань оглядываться по сторонам на каждый чих. Ты знаешь, куда идешь, тебе что-то интересно, а что-то нет – ты поворачиваешь голову медленно с интересом, но без страха, без паники. В твоих руках молния, которая убивает смертных. Никому не показывай свой страх здесь, никогда. Они будут смеяться, кричать – это они хотят увидеть твой страх. Они им питаются, это их приправа перед основным блюдом. Смотри мне в глаза – у тебя они добрые, а должны быть как у меня. Держи пистоль! И теперь второе правило: если у тебя больше нет страха, то когда ты поднял пистоль – ты стреляешь. Если ты достал свою молнию, то она должна ударить. Иначе это не молния, а просто огненное представление, и на нем тебя самого можно поджарить».

И Кок дал Юнге пистоль. От Юнги тогда не ускользнули косые взгляды сотен темных глаз на этом рынке рабов. Юнга протянул руку и невольно покосился – поймать один из этих взглядов, полных ненависти, презрения, голода и зависти. И тогда Кок отвесил подзатыльник:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.